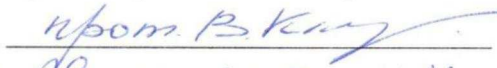

Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Тамбовская духовная семинария
Тамбовской Епархии Русской Православной Церкви»
кафедра Богословия

ДОПУЩЕНА К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой
протоиерей Владимир Кленин

«29» апреля 2016 г.

Сергей Геннадиевич Петров
Пастырское богословие Русской Церкви советского периода
Выпускная квалификационная работа

Студент 5 курса
специальности «Православное богословие»
заочной формы обучения

Научный руководитель:
священник Максим Насонов

Тамбов
2016

Оглавление

Введение	3
Глава I. Условия формирования пасторологических систем к началу XX века	12
1.1 Пасторологи XX века о Пастырском богословии как науке и учебной дисциплине	12
1.2. История церковного образования и пастырского богословия в советской России	19
1.3. Пастырское богословие представителей русской церковной диаспоры	25
Выводы к главе 1.	38
Глава 2. К вопросу о тамбовской традиции Пастырского богословия в XX веке	40
2.1. Подготовка по пастырскому богословию в духовных учебных заведениях в конце XIX - начале XX вв. (на примере Тамбовской духовной семинарии)	40
2.2. Пастырское служение митрополита Анастасия (Грибановского)	53
2.3 Очерк «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви» как сочинение по пастырскому богословию митрополита Анастасия (Грибановского)	59
Выводы к главе 2	81
Заключение	84
Список использованных источников и литературы	89

Введение

«... благополучие общества, то,
как будут жить у нас на Руси, зависит
от усердия пастыря»

Патриарх Московский и всея Руси

Алексий II

Характеристика исследования. Тема Пастырского богословия XX века включает в себя необходимость осмыслить условия, в которых пасторологам пришлось приложить все усилия для сохранения приемственности пасторологического наследия прошлого, благодаря которому XIX век передал плеяду замечательных пастырей, исполнивших сполна свой жертвенный пастырский долг перед Богом, Церковью, Отечеством, паствой.

Призыв изменить систему подготовки пастыря в духовной школе в её синодальном состоянии звучал и в центральной и епархиальной прессе, в записках в Учебный Комитет, в мемуарах и пр. именно этой потребности служила инициатива введения специального курса по Пастырскому богословию в начале XX века. Между значительностью научного пастырского богословия, представленного трудами митрополита Филарета (Дроздова), митрополита Макария (Булгакова), святителя Феофана Затворника, профессора В.Ф. Певницкого, протоиерея С.А. Солертинского и др., – и учебной дисциплиной существовал разрыв, нуждающийся в восполнении. Эту задачу пасторологам XX века пришлось решать в условиях гонений на Церковь и верующих, в условиях оторванности от Родины.

Оценка регионального вклада в решение этой проблемы является аспектом изучаемой темы, которую мы раскрываем в опоре на педагогическую и историческую проблематику.

Т.о., мы рассматриваем пастырское богословие с нескольких позиций:

- 1) как богословскую науку, посвященную сути священнического служения;
- 2) как учебную дисциплину, составляющую основу подготовки пастыря в духовном учебном заведении;
- 3) как часть богословской науки и практики, представляемой различными условиями деятельности духовенства РПЦЗ, РПЦ, а также как часть регионального опыта на примере истории Тамбовской духовной семинарии;
- 4) как способ построения и понимания богословского текста, адресованного пастыря пастве.

Актуальность исследования. Богословское наследие XX века остается перспективной темой для её изучения историками, философами, культурологами, представителями самых разных отраслей научного знания. Пастырское богословие как часть этого наследия является наименее изученной и в силу того перспективной темой исследования, как в плане истории, так и в плане практики подготовки священнослужителя. Значимость темы заключается и в её тесной связи с формированием личности священника, способного отвечать современному уровню решения задач Русской Православной Церкви.

XX век ознаменовался для истории Церкви суровыми потрясениями, поставившими под угрозу преемственность традиций отечественного богословия в условиях трагических событий разделения народа Божия на Западную Церковь и Русскую Православную Церковь, который ныне вновь объединяется в соборное единство, подчиняясь единству литургической жизни. О процессе сближения Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, в телефильме о пятилетии восстановления канонического общения между Московским Патриархатом и Русской Православной Церковью Заграницей (15 мая 2012 г.) говорит следующее: «... сам по себе переговорный процесс для меня был неким доказательством того, что

разделение, которое произошло, по-настоящему не разделило нашу Церковь. Мы остались единым телом — был разорван только поверхностный слой внешними силами, не имевшими к Церкви никакого отношения, по крайней мере положительного отношения. И то, что Церковь нашла в себе силы изнутри залечить эту рану, является свидетельством в первую очередь присутствия благодати Божией внутри церковного организма. Дай Бог, чтобы пример преодоления разделений, который мы имеем сейчас перед своими глазами, помог нашей Церкви предотвращать всякого рода разделения, а если они возникают — исцелять их, в первую очередь силой Божией, молитвой и своими скромными усилиями».¹

Возможность такого единения – результаты и трудов замечательных пасторологов XX века, сумевших сохранить сокровищницу православной истины в годы разобщения, гонения на Церковь и Её народ. Осознание нерушимой преемственности традиций пастырского богословия есть актуальнейшая задача современного богословского знания.

Выборка информации о региональных особенностях формирования пасторологических систем также составляет актуальную проблему как общего церковно-исторического знания, так и православного краеведения.

Практическое значение исследования. Собранные сведения могут быть использованы в подготовке пастырских бесед, как темы для занятий в воскресной школе, а также в общеобразовательной школе в курсе дисциплин православного цикла. В целом же, пасторологические системы составляют основу подготовки священнослужителя к его непосредственной практической деятельности. При условии дальнейшего углубления исследования оно может использоваться в курсах по истории образования, Пастырского богословия, Аскетике.

Объект исследования – история пастырского богословского знания.

¹. Святейший Патриарх Кирилл: Господь помогал и мне, и моим братьям из Зарубежной Церкви/ Пресс-служба Патриарха Московского и Всея Руси. 16 мая 2012. 09:40/<http://yandex.ru/click/jsreidir?from=yandex.ru>

Предмет – пасторологические системы русского духовенства XX века, образующие единство мысли и действия пастыря.

Цель исследования – охарактеризовать условия и процесс развития русского пастырского богословия в XX веке.

Задачи исследования:

- Раскрыть содержание Пастырского богословия как науки и как учебной дисциплины;
- Дать обзор истории церковного образования и пастырского богословия в советской России;
- Дать обзор истории церковного образования и пастырского богословия русской диаспоры;
- Охарактеризовать систему пастырской подготовки в духовной традиции Тамбовской семинарии;
- Дать анализ пастырской деятельности как воплощения требований Пастырского богословия (на примере митрополита Анастасия (Грибановского));
- Дать характеристику церковному служению митрополита Анастасия (Грибановского) как одной из задач пастырского богословия;
- Дать анализ работе «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви» как сочинению по пастырскому богословию.

Анализ источников и литературы. Источники. О состоянии пастырского богословия как учебной дисциплины и как служения Богу и пастве свидетельствует отраслевая церковная печать: «Московские церковные ведомости», «Церковные ведомости», Журнал министерства просвещения и пр. В частности, важнейшим источником изучения состояния пастырского богословия в Тамбовской епархии являются – «Тамбовские епархиальные ведомости».

Так например, пастырскую деятельность митрополита Анастасия (Грибановского) можно проследить на материалах церковной печати конца имперского периода.² В постимперский период материалы, связанные с его личностью и деятельностью публиковались в «Журнале министерства просвещения» (ЖМП).³

Богословское наследие митрополита Анастасия (Грибановского) открывает его кандидатское сочинение – «О промысле Божиим (против деистов)»⁴ - , успешно защищенное в 1897 году в Московской духовной академии. При жизни митрополита почитали как автора замечательных проповедей, регулярно публиковавшихся в журнале «Прибавления к Церковным ведомостям», среди них: «Слово в день нового года», «Речь, сказанная при встрече в Холмском кафедральном соборе», «Слово за

² Московские церковные ведомости. 19 февраля 1913. №7-8, с. 140; Церковные ведомости. 1906. №24. С.323; №26. С.335; 1909, №36. С.339; 1912, №34. С.332; 1914, 321. С.256; Прибавления к Церковным ведомостям. 1915. №44. С.2248

³ Журнал министерства просвещения (ЖМП). 1932, №9-10; 1946, №3. С.26-31; 1948, 36, С.36 – 38; 1953 №7. С.32-39; 1954, №2. С.47; 1958, №11. С.18-19.

⁴ Деизм – философское учение, отрицающее откровение и Промысел. См. Деизм/ Православная энциклопедия. – М., 2006. Т.14. – 752 с. - С.311-315.

В религиозном толковании «деизм» - это учение *социниан*, отвергавших догмат Троичности и Божество Иисуса Христа (XVI в.). В XVI – XVII вв. – английские мыслители, признававшие безграничность прав разума: Локк, Толанд и пр. «Величайшее благо человека состоит в любви к тому и в общении с тем, кто наиболее вызывает любовь, в богообщении. Деизм удаляет человека от Бога, отнимает создание от Создателя, сына лишает Отца. Не молись Богу, не проси Его, говорит деиз., но молиться можно только Богу и только молитва и данная свыше, а не самоизмышленная, религия могут дать истинное успокоение и усладу страждущему сердцу». См.: Глаголев С.С., доктор богословия, профессор МДА. Деизм/ Православная богословская энциклопедия. – СПб., 1903. Т.4. Стлб. 971.

Божественной литургией 11 октября 1915 года», «Послание Преосвященного Анастасия» и др.⁵

Если слова, речи, послания митрополита являют собой высокий образец церковного красноречия, то его публикации, посвященные датам памяти современников и выдающихся представителей русской истории и культуры, открывают митрополита Анастасия как тонкого и прозорливого пастыря, которому известны тайны души человека. К таким работам относятся: «Священной памяти Великой Княгини Елизаветы Федоровны», «Избрание и поставление Святейшего Патриарха Тихона. Характер его личности и деятельности», «Религиозные мотивы в современной литературе и искусстве»; «Нравственный облик Пушкина», «Пушкин и его отношение к религии и Православной Церкви».⁶ Глубокий анализ духовной истории России, современной ему, дал митрополит Анастасий в работе «Беседы с собственным сердцем».⁷

Отличительной чертой работ митрополита является обращение к широкому контексту истории, культуры и искусства, духовность которых он соизмеряет спасительными идеями Святого Писания и святоотеческого наследия. Особое место в его пастырском наследии занимает работа, посвященная 100-летию со дня смерти Пушкина – «Пушкин и его отношение к религии и Православной Церкви», в которой собираются основные идеи его пастырской деятельности. Лучшие работы митрополита были изданы отдельными сборниками.⁸

⁵. См.: Слово в день нового года/Прибавления к Церковным ведомостям, 1917 (январь); Речь, сказанная при встрече в Холмском кафедральном соборе/ Прибавления к Церковным ведомостям, 1914, №34; Слово за Божественной литургией 11 октября 1915 года/ Прибавления к Церковным ведомостям, 1915, №43; Послание Преосвященного Анастасия/ Прибавления к Церковным ведомостям, 1917, №4, 71-72.

⁶. Избрание и поставление Святейшего Патриарха Тихона. Характер его личности и деятельности/Православная Русь, 1975, №6, 4-11 с.; Священной памяти Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Иерусалим, 1925, 24 с.; Религиозные мотивы в современной литературе и искусстве. М., 1908; Нравственный облик Пушкина. Джорданвилль, 1949. – 24 с; Пушкин и его отношение к религии и Православной Церкви. – Мюнхен, 1947

⁷. Беседы с собственным сердцем. – СПб.: Библиополис, 2002. – 219 с.

⁸. Архипастырские послания, слова и речи: Юбилейный сборник ко дню 50-летия архипастырского служения. 1906 - 1956 – Джорданвилль, 1956; Сборник избранных сочинений Высокопреосвященнейшего

Высокую оценку митрополиту Анастасию как церковному иерарху, пастырю и богослову дают церковные историки: архимандрит Аверкий (Таушев), Н.М. Зёрнов, Д.В. Поспеловский, прот. Владислав Цыпин, и др.⁹ Об активной пастырской деятельности митрополита Анастасия свидетельствуют его современники в своих мемуарах: митрополит Евлогий (Георгиевский), епископ Митрофан (Зноско-Боровский), архиепископ Аверкий (Таушев).¹⁰

История заблуждения митрополита Анастасия, увидевшего в момент прихода к власти Гитлера в Европе возможность уничтожения советской власти, которую он понимал как трагедию России, исследовали В.И. Косик и М.В. Шкаровский.¹¹

Литература. В виду того, что пастырское богословие как самостоятельная наука и учебный предмет к началу XX века находились на стадии формирования, обширной библиографии, посвященной истории вопроса, не существует. Чрезвычайно важный аспект внутридисциплинарной систематизации выполнен архимандритом Иннокентием (Пустынским), который проследил источники по пастырскому богословию от истоков до XX века. В XX же веке пастырское богословие стремительно развивалось, так как этого требовала резко усложнившаяся пастырская деятельность. Хладноверию и расцерковлению как последствиям технократического

Митрополита Анастасия Первосвятителя Русской Зарубежной Церкви. С портретом и жизнеописанием автора. Джорданвилль, 1948.

⁹. Русские писатели эмигранты: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921-1972/ Сост. Н.М. Зёрнов – Бостон, 1973; Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995; Таушев, Аверкий, архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего митрополита Анастасия/ <http://www.ipc.od.ua/17anastasy.html>, 2.2001; Цыпин, Владислав, прот. История Русской Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005). - М., 2014; Цыпин, Владислав, прот. Церковная диаспора/ история русской Церкви. Т.9. – М., 1997/ <http://www.sedmitza.ru/index.html?>; Цыпин, Владислав, прот. Анастасий//Православная энциклопедия. Том II. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. — С. 237-239. — 752 с.; Цыпин, Владислав, прот. Анастасий (Грибановский)/ Открытая православная энциклопедия «Древо»/ <http://www.pravoslavie.ru/sm5>. См. также: Жизнь и деятельность митрополита Анастасия// Православная Русь. – Джорданвилль, 1965, № 10. С.9-10.

¹⁰. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни, Москва, Московский рабочий; ВПМД, 1994; Митрофан (Зноско-Боровский), еп., Хроника одной жизни. Москва, Свято-Владимирское братство, 2006, 548-585.

¹¹. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20-е – 40-е годы XX века). – М., 2000, С.56-60, 109 – 113; 137 – 142; 257 – 259; Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная церковь (нацистская политика в отношении Православной церкви и религиозное возрождение на территории СССР). М., 2002. С.508.

принципа развития отечественное богословие нашло ответ к началу XX века в лице пастырского служения святого праведного Иоанна Кронштадтского, святого Алексея Мечева, протоиерея Валентина Амфитеатрова и др. Исследование архимандрита Иннокентия (Пустынского) представляет собой диссертацию кандидата богословия Казанской духовной академии. К Казанскому округу относилась и Тамбовская духовная семинария. Важной особенностью этого исследования является внимание к богословскому образованию, развивавшемуся во взаимодействии с богословской наукой. Систематизация наследия по пастырскому богословию содержится в исследованиях Натальи Юрьевны Суховой «Пастырское богословие в российской духовной школе» (2009). В её исследовании «Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII - начало XX в.)» также тесно поставлено в один ряд с развитием духовной школы и пастырскими задачами по окормлению верующих.

Источники исследования. При общем дефиците источников по пастырскому богословию XX века в постимперской России, назовем публикации Журнала Московской Патриархии (ЖМП), которые предметно не были посвящены пастырскому богословию, но содержали материал, открывающий попечение пастыря о сохранении и преумножении пастырского наследия в суровые годы гонения на веру.

Для характеристики региональной традиции пастырской подготовки использованы материалы ГАТО (Ф. 181), ТЕВ.

Основными же источниками являлись пастырологические сочинения: митрополита Вениамина (Федченкова), митрополита Анастасия (Грибановского), епископа Феодора (Поздеевского), профессора В.М. Зарина, епископа Вениамина (Милова), схиархимандрита Иоанна (Маслова), архимандрита Тихона (Агрикова), архимандрита Киприана (Керна), архимандрита Константина (Зайцева), протопресвитера Георгия Шавельского.

Хронологические рамки исследования. Как своеобразные пастырологические системы представлено наследие русских богословов:

конца имперского периода; постимперского периода (богословы канонической территории Русской Церкви и русской диаспоры). В целях понимания условий и закономерностей формирования рассматриваемых пасторологических систем, мы привлекали материал, выходящий за рамки XX века, как того требовала логика анализа жития и деятельности пасторолога, личность которого сформировалась в условиях середины XIX – начала XX веков.

Методы исследования. Методология предполагает опору на принцип историзма, в соответствии с которым выборка и интерпретация фактов осуществлялась в контексте конкретной культурно-исторической среды, формирующей закономерности и особенности пасторологических систем. Принцип объективности соблюдается в сумме оценок, представляющих конфликт интересов сторон, вовлеченных в процесс борьбы за постулат духовного основания жизни общества.

Используются также и общенаучные методы: сравнения, обобщения и пр. Введены приемы типологической классификации и текстологического анализа.

Структура исследования включает введение со всеми, предусмотренными требованиями позициями, две главы, включающие по три параграфа, заключение, список источников и литературы.

Глава I. Условия формирования пасторологических систем к началу XX века

1.1 Пасторологи XX века о Пастырском богословии как науке и учебной дисциплине

Духовное руководство положено в обязанность пастыря, начало чему было дано в Новом Завете Господом нашим «Иисусом Христом, Который есть Истинный Пастырь» - «Аз есмь Пастырь добрый», - возвестил о Себе Сам Господь». ¹² Учрежденное Христом Спасителем, преемственное от Апостолов пастырское служение состоит в проповеди Евангелия (Мк. 16;16), которое должно быть открыто людям, чтобы они «обожились», достигли совершенства (Иню 17, 20-21). Пастырское служение включает в себя: 1) «учительство – распространение евангельского учения»; 2) «священнослужение – усвоение верующими евангельского учения»; 3) духовное руководство – нравственное усовершенствование христиан в меру возраста исполнения Христова» (Еф. 4,11-13).

Хотя учение о пастырском служении «существует в Церкви Христовой от дней её основания», пастырское богословие как учебная дисциплина в духовной школе возникла в результате реформ системы образования и введена в начале XX века, но уже в 1910 году в его состав ввели Аскетическое богословие. В XVIII веке пастырское богословие изучалось в составе Нравственного богословия, в XIX – в состав Литургики, затем – Обличительного богословия. Со второй половины XIX века его положение в составе дисциплин регулировалось Уставами: по Уставу 1869 года оно было соединено с Гомилетикой; в 1884 – с Педагогикой. Еще с 1867 года пастырское богословие было соединено с Каноническим правом, из чего

¹² Шавельский, Георгий, прот. Православное пастырство. – София, 1930. С.34.

составился предмет – Практическое руководство для пастырей, вошедший в систему изучаемых в семинариях предметов.¹³

Предметы, в части которых представлено Пастырское богословие, и составляют круг проблем, решаемых пастырями в их служении. Высокое призвание предмета пастырского богословия определил св. Григорий Богослов, назвавший его «наукой всех наук». Предмет пастырского богословия включает три аспекта, связанных между собой: 1) Библейское учение о пастырстве; 2) учение о благодатном служении в Церкви; 3) Аскетика (духовно-благодатное возрастание пастыря). По словам митрополита Антония (Храповицкого), предметом пастырского богословия «служит изъяснение жизни и деятельности пастыря, благодатию Божией духовно возрождающего паству... и описание законов духовно-благодатного возрождения самого пастыря».¹⁴

Хотя источники Пастырского богословия остаются неизменными, каждый новый век требует собственных пасторологических систем, приводящих паству ко спасению. Обострение «духовной брани» в XIX веке сделало необходимым введение пасторологических вопросов как постоянной темы в духовных журналах, таких как «Христианское чтение». Ввести богословие в постоянную практическую деятельность священника – задача, решаемая с помощью издания руководств, например, - «Руководство для сельского пастыря», изданное в 1860 в Киевской духовной академии. Активно обращали в актуальную практику работы преосвященного Антония Храповицкого: «Собрание лекций и статей по Пастырскому богословию», «О пастырском приготовлении». «Из чтений по Пастырскому богословию» и пр.¹⁵

¹³ Маслов, Иоанн, схиархимандрит. Лекции по пастырскому богословию. – М.: «Золотой корабль», 2014. – 333 с. С.19

¹⁴ Шавельский, Георгий, прот. Православное пастырство. – София, 1930. С.34.

¹⁵ Маслов, Иоанн, схиархимандрит. Лекции по пастырскому богословию. – М.: «Золотой корабль», 2014. – 333 с. С.19-20

Среди наиболее известных пасторологов XX века назовем тех, кто непосредственно связан с Тамбовской епархией, либо фактом рождения и обучения, либо служением, либо и тем и другим. Прежде всего, назовем епископа Феодора (Поздеевского), который во время своего служения ректором ТДС и редактором ТЕВ, активно публиковал проповеди, откликнулся голосом пастыря на острые вопросы бытия. Его пасторологическая система изложена в курсе лекций «Из чтений по пастырскому богословию (Аскетика)». Сергей Михайлович Зарин, уроженец с. ДёмшиноУсманского уезда Тамбовской губернии (1875 – 1835), воспитанник ТДС, является автором «Лекций по Пастырскому богословию», ставших популярным пособием для учебных духовных заведений в России в период гонений на Церковь и духовенство. Таким же образом имело хождение в практике духовного образования XX века работа митрополита Саратовского и Балашовского, уроженца с. ВяжляКирсановского уезда, воспитанника ТДС – Вениамина (Федченкова) (1880 – 1961).¹⁶

В заслугу С.М. Зарину ставится его опыт углубления в интерпретации пасторологических вопросов путем введения в анализ аскетических творений. Зарин активно прибегает к новозаветному учению о пастырстве, согласуя свои выводы с пастырством Самого Христа Спасителя. Зарин дает взгляд на пастырское служение апостола Павла, а также он дает описание пастырского служения в первые века Христианства. В заключительной части, характеризуя старчество как особую форму пастырства, он обращается, наряду с другими, к наследию прп. Серафима Саровского и прп. Амвросия Оптинского. В труде по пастырскому богословию епископа Феодора (Поздеевского) «Из чтений по Пастырскому богословию (Аскетика)» дана подробная характеристика Аскетике как науки, как практического руководства пастыря, как ценность и идея Церкви, раскрываются

¹⁶Поздеевский, Феодор, епископ. «Из чтений по пастырскому богословию (Аскетика)». Курс лекций. – Сергиев посад, 1911; Зарин С.М. Лекции по пастырскому богословию. – СПб., 1910 ; Федченков, Вениамин, иеромонах. Лекции по пастырскому богословию с аскетикой. – СПб., 1911 (гектограф)

антропологические основания аскетизма. Самым подробным образом объясняется значение искушений Господа для пастыря.¹⁷

Подчеркнутый интерес к аскетизму, как основанию духовного возрастания пастыря, показывает и труд иеромонаха Вениамина (Федченкова) «лекции по Пастырскому богословию с Аскетикой», украшенный умело выбранными цитатами из святых отцов: Иоанна Златоуста), Григория Богослова, Иоанна Лествичника, Григория Двоеслова, Амвросия Медиоланского, блаженного Иеронима, Симеона Нового Богослова, Дмитрия Ростовского, Тихона Задонского и др. Интерес к психологическому методу изложения можно интерпретировать как влияние святителя Феофана Затворника, основателя образоваиельно-воспитательной системы в ТДС. С позиций православной антропологии митрополит смотрит на путь искушений, которым идет проповедник Слова Божия.¹⁸

Тамбовские представители пастырского богословия смотрели на него с четырех позиций: исторической, психологичесаой, мистической, догматической (богооткровенной). С исторической позиций нам важно подчеркнуть, что пастырское богословие развивается совместно с формами общественной жизни, но при этом оно всегда находит объяснение новому в вечных богоданных знаниях о мире и человеке. С психологической позиции нам важна идея религиозного стремления человека к единению с Богом. Идея избранности пастыря открывает мистическое основание служения, которое осуществляется на земле, но «по чиноположению небесному».¹⁹ Потому Господь называет пастырей «светом мира и солью земли» (Мф.5,13-14). Богооткровенная основа пастырства открывается в его уподоблении «длящейся в мире жизнью Иисуса Христа».²⁰

¹⁷ Там же. С. 150-175.

¹⁸ Маслов, Иоанн, схиархимандрит. Лекции по пастырскому богословию. – М.: «Золотой корабль», 2014. – 333 с.

¹⁹ Св. Иоанн Златоуст. Шесть слов о священстве. – СПб., 1895. Т.1. С.423-426.

²⁰ Маслов, Иоанн, схиархимандрит. Лекции по пастырскому богословию. – М.: «Золотой корабль», 2014. – 333 с.

Пастырям XX века выпала миссия различить доброе, облаченное в невечерний свет духовных одежд, от злого, часто ярко разодетого в наряды душевного очарования. Не многим, перед лицом такого искушения, удалось «быть духовно выше своей паствы». Как ни вспомнить тут слова святителя Феофана Затворника: «Дело пастыря: учить, назидать, исправлять, утешать, отрезвлять, защищать, упорядочивать Церковь или стадо верующих».²¹

Выдающийся подвижник XX века, как называл схиархимандрита Иоанна (Маслова) Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, воспитал несколько поколений священнослужителей на основах пастырского богословия, замечательно представленных в его работе «Лекции по пастырскому богословию», которые он читал в МДА.²²

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) (1932-1991), которому в силу отпущенного Богом сроком земного бытия довелось увидеть и гонения на Церковь, и её противостояние греху мира, и её возрождение, а также посрамление безумной идеи всеобщего равенства и либеральных свобод, как никто другой засвидетельствовал единственно возможную и благочестивую свободу – свободу от греха. Певцами этой идеи были и выдающиеся богословы XIX века, которым схиархимандрит посвятил обстоятельные труды: «Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие», «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении», «Симфония по творениям св. Тихона Задонского», а также работы, посвященные Глинской пустыни.

В чем же свобода евангельской необмирщенности («в мире, но не от мира»)? – В освобождении от мира, т.е. «стояние вне всяких земных организаций». - В освобождении от плоти, от диавола, т.е. от греха.

В чем видим мы «пастыря доброго»? – В постоянном пастырском делании, в готовности пожертвовать жизнью за свою паству. «Пастырь

²¹ Феофан, Говоров, еп. Толкование пастырских посланий св. ап. Павла. М., 1882. С.279.

²² Девятова Светлана. «Благодатный старец». Схиархимандрит Иоанн (Маслов). М., 1998.

добрый полагает жизнь свою за овец». Он, скорбя о грехах пасомых, стремится, чтобы они «имели жизнь и имели с избытком». (Ин. 10, 10-11).

Особенностью русского пастырского богословия является его обращенность к идее ученичества. По словам митрополита Московского Филарета (Дроздова), прежде чем христиане стали называться христианами, они назывались учениками, и если христиане ими быть не хотят, то не для них было проповедано Евангелие.²³ Готовность учиться и учить Слову Божию сделала Россию не только физической, но и метафизической «военно-сторожевой цепью, которая, волею судьбы, защищала Европу от вторжения азиатских орд».²⁴ Об особом русском богословском опыте свидетельствуют исследования религиозного мыслителя Георгия Петровича Федотова («Русская религиозная мысль»), прот. Георгия Васильевича Флоровского («Пути русского богословия»). Протопресвитер Александр Дмитриевич Шмеман показывал насколько вся русская культура была проникнута богословскими идеями, что не могло свершиться само собой, вне общения с пастырем и Церковью. «Наличие одного только такого произведения, как «Слово о полку Игореве» уже показывает, как высоко была в то время способна подняться русская душа».²⁵

Обращенность к Богу всего лучшего, что создала русская культура - есть также результат отечественного пастырского богословия. Подтверждением тому служат многочисленные примеры богословского понимания вечных тем в произведениях высокого искусства: 1) тема Слова Божия; 2) тема Церкви; 3) тема Истории; 4) тема человека, ищущего Бога.

Воцерковленность ума составляет главное условие научного метода богословского исследования, так как «...просто наука», - по словам

²³ Маслов, Иоанн, схиархимандрит. Лекции по пастырскому богословию. – М.: «Золотой корабль», 2014. – 333 с С.31.

²⁴ Там же. С.40.

²⁵ Шмеман А., протопресвитер. Введение в Богословие. Курс лекций по догматическому богословию. М.; Париж, 1993. Изд. 2-е. – Клин, 2001

протопресвитера Александра Шмемана, - есть псевдонаука, вульгаризированная философией XIX века, и никакого отношения к подлинной научной высоте не имеет».²⁶ Протопресвитер А. Шмеман устанавливает и четыре методологических принципа, которым должна отвечать наука: 1. Христианская иерархичность ценностей. «Примат Истины во Иисусе Христе... Не будет подлинного богословия, если не будет жажды Его правды»; 2. Библиизм, т.е. «живое отношение к Слову Божию»; 3. Историзм, предполагающий знание и оперирование подлинными фактами; 4. Литургический опыт Церкви, т.е. знание богослужебных книг, знание богослужения, понимание сути «Церкви молящейся».

Т.о., пасторологи XX века, как в советской России, так и за рубежом, видели в Пастырском богословии: богословскую науку, учебную дисциплину, а также теорию и практику пастырского делания. Основными темами в пособиях и курсах лекций по Пастырскому богословию в XX веке были следующие: Призванность священнослужителя, качества доброго пастыря, служение Слову, обращенность к Святому Писанию и опыту Отцов Церкви, отношение к Церкви, церковной общине и др.

²⁶ Там же.

1.2. История церковного образования и пастырского богословия в советской России

Реформы духовной школы, которые начались во второй половине XIX века, не были завершены к моменту, когда декретами советской власти семинарии и академии прекратили свою работу и оказались на нелегальном положении. Не завершился и проект ввода специального курса по пастырскому богословию, на который возлагалась основная задача реформирования – воспитать пастыря, способного предотвратить ложный путь, на который вставала паства.

Возможность возрождения духовной школы открылась только в 1943 году, когда в ночь с 4 на 5 сентября Сталин принял в Кремле митрополитов Сергия (Старгородского), Николая (Ярушевич), Алексия (Симанского), дав заверение, что «церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства». В результате встречи появилась возможность провести Архиерейский собор, на котором 8 сентября 1943 года митрополит Сергий был избран Патриархом, 12 сентября в Елоховском соборе состоялась интронизация. Событие открыло возможность, хоть и при сильнейшем сопротивлении безбожной власти, возрождать храмы, открывать семинарии и академии.²⁷

Возобновивший работу Учебный комитет при Святейшем Синоде в августе 1946 года преобразовал Московский православный богословский институт в Московскую духовную академию, открыл подготовительные курсы и семинарию. Пасторологическую подготовку в возрожденных школах осуществлял архимандрит Вениамин (Милов), только что вернувшийся из ссылки.²⁸

²⁷ Одинцов Михаил. Крестный путь Патриарха Сергия: документы, письма. Свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины)/ Отечественные архивы, 1994, №2. С.44 – 51.

²⁸ Голубцов, Сергей, протоиерей. Церковная Московия в 1935-1965 годах// Церковно-исторический вестник. №11. М., 2004. С.4-71. См. также: Шкаровский М.В. РПЦ при Сталине и Хрущеве.

Пастырское богословие в лице архимандрита, позднее – епископа, Вениамина (Милова) нашло преемственную связь с лучшими отечественными традициями. В деятельности епископа Вениамина Пастырское богословие как учебная дисциплина и как наука нашли долгожданную и плодотворную связь. Выходец из семьи потомственных священников, Вениамин окончил Яранское духовное училище и Вятскую духовную семинарию, закончить Казанскую духовную академию ему помешала гражданская война. Уже кандидатская диссертация по богословию архимандрита Вениамина, защищенная в МДА в 1922 году, была связана с тематикой Пастырского богословия – «Жизнь и учение преподобного Григория Синаита». Учиться пришлось неофициально, так как официально МДА была закрыта, а занятия проводились в Свято-Даниловом монастыре.²⁹

Большое влияние на воспитанника МДА оказал архимандрит Гурий (Степанов), который и постриг своего духовного сына в монашество в Свято-Даниловом монастыре в 1920 году. Архимандрит был наделен благодатным даром красноречия.³⁰ Еще более сильна тематика пастырского богословия в магистерской работе архимандрита Вениамина – «Божественная любовь по учению Библии и Православной Церкви (Опыт раскрытия нравственной стороны православно-христианского догмата веры из начала любви)».³¹

(Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 гг.). – М., 2005. С.203-204; Трофимчук М.Х. Академия у Троицы. Воспоминания о Московских духовных школах. 1944 – 2004. – Свято-Троицкая сергиева Лавра, 2005; Елсуков А.В. Приходские организации РПЦ в 1945-1964 гг.: религиозная и гражданская деятельность/ Дис. к.и.н. – Иваново, 2012; Пушкин, Сергей. Священник. Начальный период возрождения Московских духовных школ (1944 – 1964 гг.)/ Дисс. канд.бог. – Сергиев Посад, 2002; Светозарский А.К. Возвращение МДА в стены Троице-Сергиевой Лавры в 1948 году// http://history-mda.ru/publ/vozvraschenie_moskovsk_47 ; Митр. Питирим (Нечаев). Воспоминания. Богословский институт// <http://www.pravoslavie.ru/put/051205120343.htm>

²⁹ Вениамин (Миров), епископ. Пастырское богословие с аскетикой. http://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Milov

³⁰ Сухова Н. Ю. Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. I: Богословие. Философия. 2009.

³¹ Вениамин (Миров), епископ. Пастырское богословие с аскетикой. http://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Milov

Будучи епископом Саратовским, Вениамин (Милов) пользовался любовью и уважением прихожан, ценивших дар Слова, присущий иерарху в полной мере.³²

Исследователи установили, что имевшие большое практическое значение лекции архимандрита Вениамина (Милова) по Пастырскому богословию являются компиляцией работ митрополита Вениамина (Федченкова). Наиболее цитируемым ученым-богословом в лекциях архимандрита Вениамина является митрополит Антоний (Храповицкий).³³

Митрополит Антоний (Храповицкий) определял пастырское призвание субъективными («желание священства, любовь к пастырству и внутренний голос») и объективными («пастырская подготовленность») признаками. Сильной стороной его пасторологической системы была опора на свойства русского характера, в силу которого постоянное недовольство собой и искание нравственного обновления несут такие благодатные для пастыря качества, как «сострадание немощи..., скорбь о грешных людях и пламенное желание приблизить их и себя к Богу». На его мировоззрение видное влияние оказал Ф.М. Достоевский. Самой же системе недостает целостности, точности формулировок. Однако эти недостатки он сполна покрывал жизненным опытом и образцом благочестия, каким он был в глазах слушающих его лекции.³⁴

Среди наиболее точно выраженных богословских идей архимандрита Вениамина (Милова) – характеристика места пастыря в Церкви, которое он определяет как «брак с пасомыми, который является выше плотского родства». Единство пастыря и паствы – это цель любви, заповеданной Господом через Его Смерть и Воскресение. Цель пастырского служения

³² Сухова Н. Ю. Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. I: Богословие. Философия. 2009.

³³ Вениамин (Милов), епископ. Пастырское богословие с аскетикой. http://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Milov/pastyrskoe

³⁴

ближним Словом определяется как воспитание нравственности путем проповедничества.³⁵

Другим глубоко почитаемым российским пасторологом XX века был *схиархимандрит Иоанн (Маслов)* (1932 – 1991), который родился в благочестивой крестьянской семье. Его двоюродный дед, иеромонах Глинской пустыни Гавриил, почитавшийся как прозорливец, предсказал внуку монашество. Предсказание сбылось через тридцать лет, когда, услышав призвание Бога, Иоанн в 1954 году стал послушником Глинской пустыни, где подвизались замечательные старцы: схиархимандрит Андроник (Лукаш), схиархимандрит Серафим (Амелин), схиархимандрит Серафим (Романцов).³⁶

В Московской духовной семинарии, где он оказался после закрытия пустыни в 1961 г. по благословию схиархимандрита Андроника, пришел, уже имея опыт пастырского богословия, так как в пустыни отвечал на многочисленные письма верующих, ищущих духовного совета. Еще в студентах МДА он стал духовным наставником учащихся и преподавателей. Пастырский талант сделал схиархимандрита Иоанна прозорливым старцем в 33 года. «Такой старец – это чудо нашего времени. Старец стяжал величайший дар благодати Божией – беспредельную, деятельную, спасающую христианскую любовь... Отец Иоанн имел дар чудотворений, мог изгонять демонов, исцелять тело от неизлечимых болезней, а душу от гнездившихся в ней страстей».³⁷

Там же.

³⁵ Девятова Светлана. «Благодатный старец». Схиархимандрит Иоанн (Маслов). М., 1998.

³⁶ Иоанн (Маслов), архим. Лекции по Пастырскому богословию. <http://azbyka.ru/library/lektsii-po-pastyrskomu-bogosloviju>

³⁷ Девятова Светлана. «Благодатный старец». Схиархимандрит Иоанн (Маслов). М., 1998.

Великое нравственное значение Пастырского богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) представлено в монографии доктора педагогических наук Н.В. Маслова «Основы русской педагогики».³⁸

Архимандрит Тихон (Агриков), в миру – Василий Петрович, - также, как и схиархимандрит Иоанн (Маслов) пришел в Сергиев Посад уже зрелым человеком. Его курс лекций по Пастырскому богословию более опирался на большой практический опыт и не составлял самостоятельной теоретической системы, в этом плане он опирался «на стол по в пастырологической науки»: митрополита Антония (Храповицкого), Вениамина (Федченкова), архиепископа Феодора (Поздеевского).³⁹

Архимандрит Тихон обосновал необходимость в целостной пасторологической системе, обобщающей русский опыт богословской мысли. Он настаивал, что развитие Пастырского богословия как науки у нас остановилось на трудах профессора В.Ф. Певницкого и прот. С.А. Соллертинского, и потому насущной задачей является создание «настоящей научно-обоснованной и идейно-жизненной системы Пастырского богословия».⁴⁰ В целом, лекционный курс архимандрита Тихона (Агрикова) близок курсу о. Иоанна (Маслова). Постоянным призывом его занятий со студентами было напоминание о необходимости «апостольского духа для будущих пастырей». «Только апостольский дух может быть созидательным в Богословской науке, только он может стать движущей силой на путях пастырского шествия за Христом. Живой апостольский дух в науке Пастырского богословия – жизненная артерия, соединяющая пастырство с Христом»⁴¹.

³⁸ Иоанн (Маслов), архим. Лекции по Пастырскому богословию. <http://azbyka.ru/library/lektsii-po-pastyrskomu-bogosloviju>

³⁹ Тихон (Агриков), архим Лекции по Пастырскому богословию. http://azbyka.ru/library/tihon_pastyrskoe

⁴⁰

Там же.

⁴¹ Там же. Краткие пастырологические выводы 1-ому курсу. http://azbyka.ru/library/tihon_pastyrskoe_bogoslovie

Т.о., российские пасторологи XX века: епископ Вениамин (Милов) схиархимандрит Иоанн (Маслов), архимандрит Тихон (Агриков), - являлись авторами практических руководств по пастырского богословию и единодушно признавали, что современная им эпоха не располагала научной систематикой, имеющей законченный вид, подобном тем, что были созданы в XIX веке трудами профессора В.Ф. Певницкого и протоиерея С.А. Солертинского. Наиболее систематично изложена пасторология архимандрита Иоанна (Маслова) в «Лекциях по Пастырскому богословию».

1.3. Пастырское богословие представителей русской церковной диаспоры

«Поражение белых армий в гражданской войне вызвало исход огромных масс русских людей – остатков разбитых войск и мирных граждан – за пределы России: в Китай, Константинополь, на Балканы и в Западную Европу. К октябрю 1920 года только в европейских странах оказалось около двух миллионов русских; всего российскую эмиграцию начала 20-х годов оценивают в три – четыре миллиона человек; главным образом, это были люди православного вероисповедания», - пишет протоиерей Владислав Цыпин.⁴²

Заграницей оказались пастыри и архипастыри, многие из которых хотели затвориться в монастырях на Афоне или в Сербии. Считали, что российское церковное руководство должно прекратить свою деятельность, а окормление русских верующих должны взять на себя Поместные Православные Церкви. Так считал, например, митрополит Антоний (Храповицкий). Настроения изменились после того как, генерал Врангель приступил к созданию военной организации за рубежом для борьбы с большевиками, для чего он ходатайствовал о сохранении русской церковной организации. Осуществлению проекта способствовало и то, что заграницей уже были построены в XIX веке русские церкви в Париже, Вене, Копенгагене, Висбадене, Женеве, Флоренции, Карловых Варах. В Сербии и Болгарии действовали православные приходы. Работали заграничные миссионерские центры РПЦ. Архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский) писал митрополиту Киевскому Антонию (Храповицкому) из Женевы в Константинополь: «Много овец осталось без пастырей... Нужно, чтобы Русская Церковь за границей получила руководителей».

⁴² Цыпин, Владислав, прот. История Русской Церкви XX века. Учебное пособие для студентов 4 класса. – Сергиев Посад, 2006. – 204 с. С.153.

Появление Русской Православной Церкви за границей предопределило необходимость в заботе о подготовке пастырей и развитии богословской науки за рубежом. Главным вопросом создания церковной организации стало Пастырское богословие и как теория, и как практика. Решали этот вопрос, прежде всего, богословские школы, созданные в Париже, в Харбине, в Джорданвилле и др.⁴³

Свято-Сергиевский институт в Париже создается, благодаря энтузиазму талантливого регента, замечательного знатока русского пения Михаила Михайловича Осоргина (1887 – 1950) и финансовой поддержке крупного протестантского деятеля Джона Р. Мотта. Занятия начались на Пасхальной неделе в 1925 году. Институту суждено было стать крупнейшим центром русской богословской мысли за рубежом, объединяющем видных иерархов, духовных писателей, богословов. Лекции по Пастырскому богословию здесь в разное время читали: митрополит Вениамин (Федченков), архимандрит Киприан (Керн), протоиереи Илья Мелиа, Николай Озолин.

Высокий уровень преподавания Патрологии здесь были заложены митрополитом Вениамином (Федченковым), которые продолжил архимандрит Киприан (Керн), приглашенный в институт в 1936 году в качестве профессора кафедры пастырского богословия. Вокруг доброго пастыря в Париже собрался круг выдающихся представителей русской духовности: прот. Сергей Булгаков, профессор А.В. Карташов, Иван Бунин, Борис Зайцев, философ Н.А. Бердяев.⁴⁴

Главным трудом архимандрита Киприана по Пастырскому богословию стала работа «Православное пастырское служение», которая по праву почитается как лучшее практическое руководство для пастырей. В этой работе архимандрит обобщил длительный опыт пастырского служения. На

⁴³ Там же. С.153 - 167

⁴⁴ Ангелы, иночество, человечество. – Париж, 1942. – 16 с.

убедительных примерах он показывает сложную духовную природу искушений, через которые приходится проходить священнослужителю. В его лекциях основательно разработаны такие темы пастырского богословия, как: «пастырское призвание», «пастырское настроение», хиротония, внешний вид пастыря, поведение, семейная жизнь, материальное обеспечение. В разделе о «душепопечении» он говорит о подготовке верующего к исповеди и роли духовного руководства пастыря в этом таинстве. Поддерживая аскетическое отношение человека и мира, он предупреждает об опасности злоупотребления этим отношением, ссылаясь на решения Гангрского собора, осудившего психическое монофизитство как гнушение человеком и миром. Лжеблагочестивое пуританство пастырь осуждает, напоминая, что человек и мир созданы Богом.⁴⁵

Заметное место в его работе уделяется теме свободы человеческой личности, которую он трактует как освобождение от греха, показывает, что грех – это не свобода, рабство. Лучшим средством в борьбе с грехом пастырь видит в творческом даре, которым Бог наделил человек, избрав его от всей твари. Архимандрит Киприан (Керн) предупреждает и об опасности дара творчества, который человек может употребить и во спасение, и в погибель. Однако, творческий дар – это мощное средство борьбы с низменными страстями и дурными инстинктами.⁴⁶ Архимандрит Киприан (Керн) открывает будущему пастырю величие нового нравственного императива, данного Новым Заветом: «Возненавидь грех и возлюби грешника».

Нельзя не отметить, что архимандрит Киприан во всех темах своего лекционного курса идет за пасторологической системой митрополита Антония (Храповицкого), но он развивает его мысли, сообщая им краски личностного пастырского опыта. Так, идея пастырского крестоношения митрополита Антония он показывает, как «каждодневное умирание» пастыря

⁴⁵Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. Ч.1. Понятие науки. История Пастырского богословия в России/ http://azbuka.ru/otechnik/Kiprian_Kern

⁴⁶Там же.

за свою паству, уподобляясь Христу. В этой жертвенности пастыря архимандриту Киприану открывается Новый Завет, вместе с которым явился и новый пастырь, во всем непохожий на языческого жреца: «... священство и пастырство Христово существенно, качественно отлично от священства языческого и левитства иудейского. Священник Христов – строитель тайн, строитель Тела Христова. Он призван сам, а через него и другие, созидать новое Царство благодати».

В годы создания лекций по Пастырскому богословию архимандритом Киприаном вопрос о взаимоотношениях пастыря и общины стоял очень остро. Пастырское призвание – это глубоко личное дело, хотя издревле пастырь призывался к служению общиной, в то время как в устоявшейся церковной практике он назначается епископом.⁴⁷

В Древней Церкви священника избирали голосованием клира и народа при решающем голосе епископа. В Византийской традиции совокупный голос паствы олицетворял император, избиравший епископа при участии клира и народа. Порядок избрания священнослужителя определен правилом 7-м Феофила Александрийского: «Весь собор священнослужителей да согласится и да изберет, и тогда епископ да испытает избранного, и с согласием священства да совершит рукоположение среди церкви. В присутствии народа, и при возглашении епископа, аще может и народ свидетельствовать о нем».⁴⁸

В России избрание священнослужителя к XVIII веку переходит к епархиальному архиерею. В синодальный период кандидатура, избранная Синодом, утверждалась императором. Ныне избранием епископов ведает Священный Синод. Отец Киприан главную роль в этом вопросе отдает самому кандидату, который должен слышать призывание свыше и тщательно исследовать свою жизнь решая в совете с совестью принимать пастырство

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ (Булгаков), Макарий, митрополит. История Русской Церкви/<http://www.sedmitza.ru>

или нет. В этой части о. Киприан входит в полемику с митрополитом Антонием (Храповицким), возражая против следующего его высказывания: «Католические богословы утверждают, будто каждый кандидат священства должен слышать его (голос – С.Г.П.), но мы думаем, что этот голос может ощущать только тот кандидат, который преуказан Церковью. Самооценка, самочувствмеготовящегося к священству должны иметь ничтожное значение».⁴⁹

Ставя высоко личное участие и личную ответственность кандидата, о. Киприан четко определяет признаки, на основании которых принимается заключение о непризванности или призванности на священническое поприще. Предупреждает об опасности руководства в выборе пастырского пути такими аргументами, как: - желание послужить возрождению России; чувство эстетического наслаждения богослужением; желание карьерного роста. Испытывая себя, кандидат должен наблюдать как признаки призванности: - влечение к святому делу пастырства; - предпочтение созидания Царствия Божия и Теда Христова любому земному царствованию, какую бы политику оно не проводило; - готовность к жертвенному служению как игу Христову; - дар сострадания грешному, больному, скорбящему; - готовность принять гонения за свою пастырскую деятельность; отказ от конформизма; - жизнь в сознании своего недостойнства и стремление уподобиться Христу; - неучастие в обличениях, осуждениях, заушениях как противных пастырю деяниях; - жизненная опытность, заставляющая склонить голову для служения Богу.⁵⁰

Т.о., призванность пастыря о. Киприан рассматривает скорее как вопрос каноники, но не пасторологии, почему и обходит молчанием избрание пастыря общиной и отношение пастыря к общине.

⁴⁹ (Храповицкий), Антоний, митрополит. Собр. соч. Т.2. – Казань, 1900. С.184.

⁵⁰Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. Ч.1. Понятие науки. История Пастырского богословия в России/ http://azbuka.ru/otechnik/Kiprian_Kern

В лекциях по Пастырскому богословию о. Киприана есть характерное для всех ученых круга общения митрополита Антония (Храповицкого) определение места Православия в окружении других христианских конфессий: «Три пути знает христианская история. Путь протестантский (о котором в сущности и не следовало бы вообще говорить, так как никакого священства и посвященная там и нет, равно как и нет формальных признаков церкви) уклонился в одну крайность. Диссиденты от Рима, ограничиваются одним избранием общиной. Этого достаточно в глазах тех, кто свою свободу от римского примата и искажения учения о церкви купили отрицанием всякой иерархии, ценой самосвятского оболъщения себя и других, и пресвитерским безначалием, в котором благодатный момент совершенно отстранен. Это крайняя демократизация понятия церкви».⁵¹

Хотя вышеприведенное рассуждение посвящено сравнению конфессий, оно всецело обращено к теме благодатного избранничества пастыря Церкви. Не признавая в протестантской позиции преемственности от установлений Церкви и пастыря Самим Господом, архимандрит Киприан не признает её и за католицизмом. «Римский католицизм пошел путем противоположной крайности, путем совершенного подавления личного начала и исключения (по крайней мере в принципе, допуская очень редкие изъятия), начала мирского, самого народа. Церковь в римском сознании концентрируется в иерархии. То царское священство и избранничество народа, о котором говорит и Ветхий Завет, и Новый, и о котором еще не забывало первохристианство, совершенно потускнело в сознании сановных прелатов Рима. Народ не участвует в выборе духовенства для себя... Православие стремилось и стремится, правда не всегда удачно, идти путем средним и, избегая крайности одного облика западного христианства, не

⁵¹Там же.

уклоняясь в неумеренности другого. Православие издавна берегло принцип избрания священника и архиерея народом».⁵²

В главе «Хиротония» о. Киприана показывает себя сторонником митрополита Антония (Храповицкого), показывая, что из трех путей – католического, протестантского и православного – только последний является царским. Средним путем, оберегающим от крайностей путей сторонних.

Священство, как и крещение, о. Киприан называет таинством «неизгладимым», так как «благодать, низведенная архиереем в таинственном священнодействии во время литургии не может быть снята никакой властью на земле... Считать, что консисторский акт может лишить человека благодати Святого Духа, является богословской непоследовательностью». В связи со сказанным, о. Киприан припоминает историю с расстрижением епископа Смоленского Варлаама в царствование Александра I.

Важнейшей задачей пастырского служения о. Киприан называет заботу о душепопечении, в которой и раскрываются отношения пастыря и паствы. Как и митрополит Антоний (Храповицкий), о. Киприан вменял в обязанность пастырю качества сострадательной любви, которая может «возродить падшего грешника, поднять его из глубины отчаяния и дать ему силы к дальнейшему нравственному совершенствованию». Подобно же понимает он и искупление рода человеческого «как сострадание людям в грехах, моральное несение их внутренних тягот и переживание их в Своем сердце с состраданием и любовью. Как известно, искупление Христом нашего рода в этом учении отнесено к моменту Гефсиманских нравственных страданий, в которых Чаша, о миновении коей молился Господь, есть Чаша не физических страданий Креста, а нравственных страданий за род людской». Т.о., пастырь, молясь за ближнего, «усваивает (его – С.Г.П.) себе, своему сердцу».

⁵²Там же.

Большое практическое значение имеет перечисление о. Киприаном типов кающихся грешников: крестьян, нянюшек, прислуги, простецов и пр. Раскаяние как название греха грехом и признание своей неправоты без оправданий определяется как смысл покаяния. Отец Киприан отмечает противоположность кающейся интеллигенции простецу, так как первой гораздо труднее «увидеть свои грехи». Архимандрит предсказывает, что тип интеллигента, сложившийся к началу XX века «вероятно историческим процессом будет сметен с лица планеты, но в своем основном он носит какие-то типично русские черты, которые останутся в жизни, как бы история не повернулась». В качестве черт, мешающих интеллигенции прийти к Богу. Он называет «традиционную оппозиционность всякой власти и иерархичности». Пастырь свидетельствует, что интеллигенту невероятно назвать грех своим именем, как это делает простец.⁵³

Говоря о сложном пути пастыря как исповедника грехов, архимандрит ссылается на цитату из Антония (Храповицкого), в работе которого видит «всю сущность православного пастырства»: «чем глубже ты прикасаешься сознанием своей далекости от того духа всеобъемлющей любви и сострадания, коим должен быть исполнен Христов пастырь, чем больше ты оплакиваешь свое очерствение, тем ближе к тебе божественная благодать, тем доступнее твоя душа для светлых озарений».

Архимандрит Киприан характеризует пастыря как служителя Слова. В связи с чем, с горечью констатирует упадок уровня образования современного ему духовенства. Главной причиной тому он считает разрушительные последствия событий в России 1917 года. Более всего, о. Киприан плакался о невозможности вернуть тот уровень филологической подготовки, которую давала старая духовная школа. Между прочим, он ставит в заслугу старой школе её умение заимствовать на западе все

⁵³Там же.

лучшее.⁵⁴ Современная же духовная школа, упрекает архимандрит, «западную науку почти полностью игнорирует».

Сколь ни хороша была старая школа, но о. Киприана решительно предупреждает против ошибки воспитывать пастыря по «устаревшим научным образцам XIX– начала XX вв.». Он решительно требует, чтобы все то новое, что накопили библеистика, патристика, церковная история и пр. в XX веке, было учтено в учебных программах, так как без этого «невозможно ожидать знания богословских дисциплин на современном уровне».

В книге «Православное пастырское служение» он решительно защищает Православие от обскурантизма. «Надо прежде всего... решительно отказаться от одного вреднейшего и закоренелого предрассудка, что пастырю интеллектуальная подготовка не нужна, а даже и вредна, так как она якобы мешает смирению, молитвенности и духовности. Это одно из опаснейших заблуждений... Современная действительность требует подготовки пастырей с наивозможно более широким умственным кругозором... На возражение же о том, что умственная или внешняя подготовка может повредить или даже разрушить духовное богатство священника, следует ответить, что цена такой духовности, которая может якобы пострадать от прикосновения к ней культуры и науки, весьма невелика»⁵⁵.

«Нет большей неправды и клеветы, возводимых на православную духовность, как отождествление её с мракобесием и гносимахией, - пишет он. – Обскурантские вкусы некоторых духовных лиц ни в коем случае не должны быть распространяемы на самое Православие. Они тут ни при чем»⁵⁶.

Доказывая, что пастырю помимо богословского образования необходимы обширные знания во многих областях науки, в литературе, поэзии, философии, искусстве, он приводит примеры Отцов Церкви,

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

изучавших Платона и Плотина. Образованность пастыря рассматривает как условие его общественной силы. Искомую образованность, влияние архимандрит Киприан находит в лице митрополита Филарета (Дроздова), митрополита Макария (Булгакова), митрополита Платона (Левшина), протоирея Феодора Голубинского, епископа Порфирия (Успенского), архимандрита Антония (Капустина). Особо высоко ставит духовный авторитет и широту образованности святителей Феофана Затворника и Игнатия (Брянчанинова).⁵⁷

Недостаточную образованность священства он ставит в зависимость от широкого распространения ересей и сектантства. «Против вызова атеизма и нигилизма бессилён пастырь-недоучка, едва справляющийся со своими богослужебными обязанностями и не способный на миссионерское служение»⁵⁸. Т.о., внешнее служение священника, его участие в миссионерском движении зависит от уровня знаний и широты культуры.

Свято-Троицкая семинария в Джорданвилле. Архимандрит Константин (Зайцев) как пасторолог.

Архимандрит Константин Зайцев (1887 – 1975) – духовный писатель русского зарубежья – получил образование правоведа в Германии и Петербурге, экономиста – в Петербургском политехническом университете. Принял участие в составе комиссии по продовольствию в Первой мировой войне, затем в Белом движении и оказался за границей вместе с армией генерала Врангеля. Преподавал в Чехии, Франции, Харбине. В Китае, после смерти жены в 1945 г. был рукоположен во священника, в 1949 бежал из коммунистического Китая в США, где стал, наряду с другими предметами,

⁵⁷Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. Ч.1. Понятие науки. История Пастырского богословия в России/ http://azbuka.ru/otechnik/Kiprian_Kern

⁵⁸ Там же.

преподавать Пастырское богословие в Духовной семинарии Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.⁵⁹

Как пасторолог находился под влиянием митрополита Антония (Храповицкого). В его пасторологической системе разработан феномен «русскости». Давал идеализированный образ батюшки, для которого «характерно полное отсутствие сознания своей какой-либо личной значимости. Все ожидается от Господа, все Ему приписывается». Такой идеал он видел в образе святого праведного Иоанна Кронштадтского.⁶⁰

Его лекции по пастырскому богословию также не давали стройной системы пасторологии, представляли разработку практического руководства пастыря пасомыми. Аскетику о. Константин считал главным оружием пастырского делания. Крушение российской империи как власть Антихриста – пастырь должен быть готовым. В его лекциях, также как и в монографии архимандрита Киприана нет анализа трактовок пастырства, но есть хорошее практическое руководство для пастырей. Наиболее самостоятельно изложена часть, характеризующая пастыря и Церковь, когда пастырь служит общине по поручению общины. «Если пастырь должен быть готов себя отдать всецело на служение пастве, но именно как пастырь, который ведет своих овец. Естественно, предполагается встречное движение паствы к нему, исполненное доверия послушного, безоговорочно послушного!». Объединяет пастыря и паству – жертва, начало мученичества. Идея крестоношения должна объединять общину.⁶¹

Об особых полномочиях пастыря, окормляющего воинство, пишет протопресвитер *Георгий Иванович Шавельский* (1871 – 1951) в работе «Православное пастырство». Лестную характеристику дал протопресвитеру епископ Иоанн (Шаховской), знавший о. Георгия еще по Русской миссии в

⁵⁹ Константин (Зайцев), архим. «Пастырское богословие»
http://azbyka.ru/knigi/arhimandrit_konstantin_pastyrskoe_bogoslovie_02-all.shtml

⁶⁰ Там же. Лекция 18 и 19.

⁶¹ там же лекция 11.

Китае: « В Георгии не было того, что так часто и в наши дни губит церковную жизнь – провинциализма... В о. Георгии была, если можно так выразиться, духовная великодержавность. Он умел смотреть в сущность вещей. Дела «сего мира» не затмевали в нем веры». ⁶²

О. Георгий принял участие в качестве полкового священника в русско-японской, Первой мировой, гражданской (на стороне Белой Армии) войнах. Суровая жизнь учила его тому, что пастырская любовь превышает всех условностей, почему он не робел нарушить правило во имя цели спасения души человека. Так он не отказал в причастии перед боем инославным солдатам, за что был порицаем. В отличие от других он не следовал системе митрополита Антония (Храповицкого) и Вениамина (Федченкова), с которыми был в неприязненных отношениях. О. Георгий высоко ставил поприще пастыря: «Пастырство есть богоустановленное, богоданное, исполненное любви и самоотвержения служение, имеющее своей задачей всяческое попечение о нуждах пасомых с целью содействия устройению согласно с волей Божией их как сынов и наследников царства Божия, жизни на земле и достижения ими вечного спасения на небе, – в конечной цели пастырское служение есть благодатствованный труд для царствия Божия». ⁶³

Как и архимандрит Киприан (Керн) протопресвитер Георгий (Шавельский) ратовал за образованность как неотъемлемое качество пастыря. «Именно от эрудиции, тактичности, этикета пастыря будет зависеть, приобретет ли Церковь еще одно чадо, обращения каждого из которых так долго ждет Господь, или еще один член Тела Христова отпадет от живительного источника и усохнет навсегда в этой житейской суете, не найдя и в Церкви ответов на “последние вопросы”». ⁶⁴

⁶² Шавельский Г., протопресвитер. Православное пастырство. СПб., 1996. С. 54

⁶³ Отец Георгий// Епископ Иоанн (Шаховской). Письма о вечном и временном. – Нью-Йорк, 1960. С.204 - 205.

⁶⁴ Шавельский Г., протопресв. Православное пастырство. Основы, задача и дух православного пастырского служения. София, 1930.

Т.о., пасторологические системы представителей русской диаспоры также более были ориентированы на практику и представляли собой по преимуществу практические руководства для священнослужителей. Наиболее систематично материал изложен в патрологии архимандрита Киприана (Керна). Пастырологические системы архимандрита Константина (Зайцева), протопресвитера Георгия Шавельского дают изложение большого личного пастырского опыта и аргументируют требование высокого образовательного уровня современного пастыря.

Выводы к главе 1.

Благодаря преемственной связи с научными пасторологическими системами XIX века, а также влиянию выдающихся ученых иерархов, чьи научные взгляды сложились еще в конце синодального периода истории Русской Православной Церкви, русское Пастырское богословие, несмотря на самые неблагоприятные условия, продолжало развиваться и в XX веке.

Курс Пастырского богословия был введен в преподавание в Московской духовной академии, где он продолжал совершенствоваться усилиями ученого монашества: епископ Вениамин (Миров), схиархимандрит Иоанн (Маслов), архимандрит Тихон (Агриков).

Наследие по Пастырскому богословию названных ученых-богословов составляет бесценный вклад в пастырскую подготовку в духовных учебных заведениях, являясь практическим руководством для пастырей, основанном на богатейшем личном опыте пастырского делания и духовного наставничества.

Русская диаспора внесла свой вклад в развитие пастырского богословия трудами архимандрита Киприана (Керна), архимандрита Константина (Зайцева), протопресвитера Георгия Шавельского. Названные ученые-богословы создали свои пасторологические системы в итоге чтения специального лекционного курса: архимандрита Киприана (Керна) – в Свято-Сергиевский институт в Париже; архимандрита Константина (Зайцева) – в Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле; протопресвитера Георгия Шавельского – в Харбине, Софии и других городах.

Их труды также внесли уникальный личный опыт, легший в основу курсов, которые также более являются практическим руководством, чем целостной законченной научной систематикой.

Столпами Пастырского богословия XX века были митрополиты Антоний (Храповицкий) и Вениамин (Федченков), компиляция трудов

которых усматривается в учебных курсах по данному предмету в духовных учебных заведениях.

Среди пасторологов XX века мощно представлена тамбовская традиция, к которой по факту рождения, воспитания, обучения и/или деятельности принадлежат: митрополит Вениамин (Федченков), митрополит Анастасий (Грибановский), архимандрит, позднее епископ Феодор (Поздеевский), профессор С.М. Зарин.

Перспективу развития темы исследования составляет духовное наследие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), епископа Тамбовского и Мичуринского с 1944 по 1946 гг., прежде всего, его проповеди и богословские беседы.

Глава 2. К вопросу о тамбовской традиции Пастырского богословия в XX веке

2.1. Подготовка по пастырскому богословию в духовных учебных заведениях в конце XIX - начале XX вв. (на примере Тамбовской духовной семинарии)

На основании изучения истории Тамбовской епархии, прежде всего, деятельности епископата, ученого духовенства, Тамбовской духовной семинарии, мы убеждаемся в мощи и величии региональной традиции Пастырского богословия. Именно эти традиции дали почву для появления таких видных представителей отечественной пасторологии, как епископ Феодор (Поздеевский), митрополит Анастасий (Грибановский), митрополит Вениамин (Федченков), профессор В.М. Зарин.

Среди непосредственно связанных с Тамбовской епархией ученых богословов есть и такие, кто определил облик пастырского богословия как науки и учебной дисциплины в XIX – XX вв. Митрополит Тамбовский Федосий отметил выдающийся вклад Тамбовской духовной семинарии, воспитавшей пастырей, «оказавших впоследствии большое влияние на церковную жизнь в России»⁶⁵. «В изучаемый период Тамбовские Преосвященные архипастыри играли важную созидательную роль в жизни Тамбовской Духовной семинарии. Они всегда живо интересовались нуждами Духовной семинарии, вникали в учебный процесс, не оставляли своим попечением тему духовно-нравственного воспитания семинаристов».⁶⁶ Глубокий след в истории пастырского богословия оставили епископы Тамбовские – митрополит Макарий (Булгаков) (Епископ Тамбовский и

⁶⁵ Феодосий (Васнев), митр. Тамбовская духовная семинария и тамбовские епископы в 1860–1870 годах // ТЕВ. №2. 2010

⁶⁶ Там же.

Шацкий с 1857 по 1859) и св. Феофан Затворник Вышенский (1815 – 1894; епископ Тамбовский и Шацкий с 1859 по 1863), которые сформировали традиции пастырской подготовки, далее развиваемые епископами: Феодосием (Шаповаленко), Палладием I (Раевым, при рождении – Писаревым) и Палладием II (Ганкевичем) и др.

Эти иерархи являли собой самый высокий уровень богословского знания и радели о духовно-нравственной христианской жизни в её первоначальной евангельской чистоте. Также владели опытом практической организации педагогического процесса. Так например, епископ Макарий был непосредственно связан с организацией и практикой церковных учебных учреждений, быв преподавателем духовной академии, ректором духовных училищ, помощником инспектора СПбДА, профессором и инспектором, а затем ректором СПбДА, редактором журнала «Христианское чтение»⁶⁷.

Говоря о новшествах пастырского богословия как учебной дисциплины, следует помянуть, что в совершенствовании уставов духовной школы деятельное участие принимал митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов)⁶⁸, который был непререкаемым духовным авторитетом для Анастасия (Грибановского). Заступничество митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) (1782 – 1867) за достойный уровень пастырского образования стоило ему опалы, в результате учебные планы хоть и были изменены, но не «упрощены», как предлагал обер-прокурор⁶⁹. О значимости этого нововведения в духовную школу вспоминают митрополит Евлогий (Георгиевский), архиепископ Никон (Рождественский)⁷⁰.

⁶⁷ Лебедев Н.А. Макарий, бывший митрополит Московский: биографический очерк. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1882. – 41 с.

⁶⁸ Филарет, митр. Московский. 1867–1917 гг. // Сборник статей к годовщине 50-летия со дня кончины Филарета, митр. Московского. – Сергиев Посад, 1918.

⁶⁹ Иванцов–Платонов А.М. прот. Современное состояние высшего церковного управления в России / Высшее церковное управление в России. – М., 1905, стр. 60.

⁷⁰ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни – М., 1994. – 347 с.; Никон (Рождественский), архиепископ. Мои дневники. Вып. 1–7. – Сергиев Посад, 1914–1916.

Основания воспитания пастыря в Тамбовской духовной семинарии заложил святитель Феофан Затворник, который глубоко входил в дела семинарии, будучи епископом Тамбовским и Шацким с 1859 по 1863 годы. Епископ Феофан до приезда в Тамбовскую епархию был членом комитета по рассмотрению конспектов дисциплин, преподаваемых в семинариях, преподавателем СПбДА, ректором семинарии, ректором и профессором СПбДА. Епископ Феофан способствовал подъему народного образования в Тамбовской епархии: устраивает церковноприходские и воскресные школы, открывает женское училище, инициирует издание «Тамбовских епархиальных ведомостей», являющихся теперь незаменимым источником по изучению истории образования в ТДС и истории, в целом⁷¹. Его педагогическая концепция в ключевых позициях вполне согласна с опытом святого праведного Иоанна Кронштадтского, что объясняется их общим основанием – душеспасительным заветам Православия.

Главным условием воспитания полагается христианская любовь, а храм рассматривается как «лучшая среда и средство доброго воспитания»⁷². Изучая труды преподобного Максима Исповедника и святителя Григория Нисского, святитель Феофан Затворник построил учение, заложившее основание педагогической антропологии и психологии, ясно различающих подходы: церковный иррациональный и светский рациональный. Подходу святителя Феофана Затворника соответствовал и Устав духовных семинарий 1884 года, параграф 145: «Нравственное воспитание в семинарии имеет целью правильное образование характера учащихся, соответственно будущему их назначению»⁷³.

⁷¹ Земной путь святителя Феофана Затворника Вышенского, в фотодокументах. – Рязань, 2004; см. так же – Бытность архиереев Тамбовских. // ИТУАК. Вып. 58. Тамбов, 1918. С.148–162; Молчанов Н. Жизнеописание Св. Питирима, епископа Тамбовского. Тамбов, 1914; Житие св. Питирима Тамбовского. Одесса, 1914. С. 18–20; ТЕВ. 1904. №№ 24–41; ТЕВ. 1905. № 19, 20, 27, 30; ТЕВ. 1914. №1, 2, 3; ТЕВ. 1912 № 24.

⁷² См. Священник Евгений Шестун. Православная педагогика. – Самара: ЗАО «Самарский информационный концерн», 1998. – 576 с. Гл. Еп. Феофан. Вышенский Затворник.

⁷³ Устав духовных семинарий // ТЕВ. – 1884 г. № 22.

Св. Феофан Затворник Вышенский, правивший ТЕ с 1859 – 1863, и Феоdosий II (Шаповаленко), правивший с 1863 по 1873, не разделяли обывательского мнения о том, что для духовного просвещения неграмотных крестьян больших знаний не требуется, так как предвидели неотвратимость перемен, вскоре охвативших всю структуру Церкви и государства. Позицию своих предшественников поддержали ректоры ТДС: прот. Димитрий Самбикин (1872-1881) и прот. Димитрий Певницкий (1881 – 1883)⁷⁴.

С периодом правления св. Феофана Затворника Вышенского связано важное начинание – создание периодической епархиальной печати. До появления епархиальных ведомостей, решение об учреждении которых Святейший Синод принял в 1860 году, церковное периодическое издание для массового чтения представлял только журнал СПбДА «Христианское чтение», издававшийся с 1821 года.⁷⁵ Постоянное внимание в епархиальных ведомостях уделялось *делу проповеди, при этом св. Феофан считал проповедничество даром*: «Проповедничество с церковной кафедры - особый дар. Рассуждающих добре и пишущих добрые рассуждения много. Но в проповеди рассуждение занимает служебное место, а пишет и говорит авторски иной деятель... и тут чем меньше рассуждения, тем лучше».⁷⁶

Приемники св. Феофана, епископы Тамбовские сохраняли традицию подготовки учащихся к пастырской деятельности, постоянно восстанавливая традицию произнесения проповедей учащимися старших классов, посвященных в стихарь. Лучшие проповеди печатались в ТЕВ. Протоиерей Дмитрий Самбикин завел правило объяснять дневное евангелие и историю праздников, для чего собирал учащихся в 1 классе высшего отделения.

⁷⁴ ГАТО. Ф.186. Оп.78. Д.15. Л.12.

⁷⁵ Кашина В.В. Проповедь на тамбовской земле при святителе Феофане Затворнике / Материалы Рождественских чтений. Секция «Творческое наследие Феофана Затворника – предмет сотрудничества церковной и светской науки». – М., 2011

⁷⁶ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Изд-е Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря «Паломник». Вып.1. – М., 1994. – С.134.

Проповедь, независимо от смены правителей, рассматривалась как главное, основное средство воспитания будущих пастырей.⁷⁷

Основной объем реформаторских изменений приходится на время правления епископа Палладия (в миру – Павел Иванович Раев, при рождении – Писарев; 1827 – 1898), находившегося на тамбовской кафедре с 1873 по 1876 год. В заслугу архиерею было поставлено именно его пастырское наблюдение за духовным образованием, при котором открылся дополнительный класс в семинарии и общежитие для своекоштных учащихся.⁷⁸ Наиболее деятельным периодом истории ТДС считается время ректорского правления протоиерея Димитрия Самбикина (1839 – 1908), клирика Рождественского Богородичного храма г. Воронежа, сменившего прот. Михаила Зефирова в 1872 году.⁷⁹

Акцент на подготовку грамотного духовенства, способного дать адекватный ответ на многочисленные вызовы времени, был сделан в духовных учебных заведениях в конце XIX – начале XX в., что сказалось в изменениях Устава. В 1884 году вступил в силу устав средних духовных учебных заведений, разработанный по указанию Святейшего Синода в 1882 г. В этом уставе формулировались положения о духовных семинариях. Семинария, согласно уставу 1884 г., «есть учебно-воспитательное заведение для приготовления юношества к служению в Православной Церкви»⁸⁰. В учебный курс, согласно новому уставу, решено было ввести новые дисциплины: апологетика, история и обличение русского раскола, библейская история, церковное пение. Для улучшения религиозно-нравственного воспитания вводилась должность духовника семинарии. «Путь воспитания есть подготовка к свободе во Христе. Христианское воспитание состоит в усвоении дара свободы, – пишет В.В. Зеньковский.

⁷⁷ ГАТО. Ф.186. Оп. 79. Д.43. Л.18–19.

⁷⁸ ТЕВ. 1899. №2. С.38.

⁷⁹ ТЕВ. 1872. №10. С.423; Феодосий, епископ Тамбовский и Мичуринский. ТДС и тамбовские епископы 1860–1870 в годах // ТЕВ. 2001. №2.

⁸⁰ Устав духовных семинарий // ТЕВ. – 1884 г. № 22.

Усвоение дара не может быть только интеллектуальным принятием идей; воспитание осуществляется через христианскую жизнь, через опыт ученичества».⁸¹

Совершенствование Уставов духовной школы объясняется необходимостью воспитания духовенства, способного решать сложные воспитательные духовные задачи в условиях модернизирующегося общества.⁸² Уже из первой позиции устава (§1. Устав 1869. Устав 1884)⁸³ понятно, что: - главной целью духовной школы является воспитание; - главным воспитательным средством православной личности является Литургия, как важнейший способ общения человека с Богом и человека с человеком на основе евхаристического единства. Главным условием вхождения этого средства в жизнь является церковная среда и церковный быт⁸⁴.

В результате реформирования семинария стала для общества не только учебным заведением, но и крупным просветительским центром, являясь участником наиболее значимых духовных, социально-политических, культурных событий и мероприятий⁸⁵. Помимо семинарского хора, неизменного участника важнейших церемониальных событий, признанием окружающих пользовались многие педагоги, являющие образец церковного и гражданского красноречия: прот. Иоанн Сладкопевцев, преподаватель истории Михаил Остроумов, прот. Вакх Васильевич Гурьев.⁸⁶ Все названные лица получили образование в церковной школе, в частности в ТДС,

⁸¹ Зеньковский, В.В., прот. Педагогика. – М.: ПСТБИ, 1996. – С. 43. См. также: Насонов, Максим, священник. Реформирование духовных учебных заведений России во второй половине XIX – начале XX века (на материале Тамбовской губернии и Тамбовской духовной семинарии). – СПб.: СПбДА, 2015 – 242 с. С.60.

⁸² Горячева А.А. Вопросы воспитания в Уставах духовных семинарий 1814 – 1867 гг.//Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2010. вып.1 (16). Сс.50–62

⁸³ Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 года. – СПб.: Синодальная типография, 1888. – С. 1

⁸⁴ Дивногорцева, С.Ю. Духовно–нравственное воспитание в теории и опыте православной педагогической культуры. – М.: Изд–во ПСТГУ, 2012. – С. 61

⁸⁵ Там же. – Сс.654–655.

⁸⁶ ТЕВ. НФ. 1879. №21. Сс. 691–720.

протоиерей Иоанн Сладкопевцев, по окончании МДА, вернулся в almatater, где более 30 лет служил преподавателем гомилетики, церковного красноречия, церковнославянского языка⁸⁷. Михаил Остроумов вернулся в ТДС по окончании университетского курса. Протоиерей Вакх Гурьев также избрал поприще священника. И, хотя дороги их оказались разными, все они единодушно и с благодарностью оценивали деятельность ТДС как учреждения, дающего достаточно образования и воспитания для достойного служения её выпускников в самых разных качествах.⁸⁸

Мысль о том, что процесс реформирования духовной школы, деятельная забота епископата и педагогов не остались втуне, подтверждается влиянием, которое оказал период ученичества на представителей пастырского богословия, вышедших из стен ТДС. Так митрополит Анастасий Грибановский, митрополит Вениамин Федченков, С.М. Зарин, закончившие в Тамбове духовное училище и семинарию в 90-х годах XIX века, почитались современниками как талантливые проповедники, блестящие публицисты, одаренные музыкальными и литературными талантами. Здесь можно вспомнить, что годы их ученичества совпадают с периодом, когда брошенные митрополитом Макарием (Булгаковым) и святителем Феофаном Затворником семена духовные дали «плод сторицей» (Матф. 13:1-9). Это было время, когда дело проповеди было поставлено в семинарии очень высоко, о чем заботились ректоры и редакторы ТЕВ: прот. Иоанн Панормов, прот. Георгий Хитров. В то же время в семинарию пришел священник Михаил Дмитриевич Ерхан⁸⁹, регент и композитор, благодаря которому появился замечательный семинарский хор. Вскоре в семинарии стали проводиться публичные духовные беседы при поддержке хора, которые

⁸⁷Прот. Гергий Хитров. Св. Иоанн Сладкопевцев / ТЕВ. 1889. №3–15.

⁸⁸ ТЕВ. 1879. №21. С.661 – 701.

⁸⁹Ерхан, М.Д. свящ. / Казьмина, Е. О. // Православная энциклопедия, т.18. – М.; 2008

пользовались большой популярностью в среде населения.⁹⁰ Значительное влияние на эстетический облик молодого человека в изучаемый период оказывала художественная литература, как и в целом, публицистика, активно откликающаяся на проблемы политики и общественной жизни. Сказанное справедливо и для тамбовского семинариста. По свидетельству И.И. Дубасова⁹¹, «... вне семинарии совершались великие дела. Всюду замечалось сильнейшее общественное и литературное движение... И в нашу школу стали врываться, как светлые лучи солнечные, новые идеи. Конечно, весь смысл нового литературного движения нам был недоступен, и это было отчасти хорошо, но для нас важно было уже и то, что в среде нашей произошло значительное умственное оживление. Мы с увлечением предавались чтению журналов. Для нас составлена и открыта была ученическая библиотека. К нам начали запросто заходить некоторые преподаватели и читать с нами образцовых авторов: Гоголя, Пушкина, Гончарова, Тургенева и многих других. Наконец в нашей среде возникла довольно оригинальная и наивная мысль об основании еженедельного ученического рукописного журнала под названием «Семинарский Листок». Редактором листка был пишущий эти строки»⁹². «Нужно отдать должное семинарии, писал выпускник семинарии академик К.В. Островитянов, – преподавание пения в ней было поставлено очень неплохо. Семинарский хор конкурировал с архиерейским».⁹³

Нельзя было усомниться в том, что семинарская молодежь в массе демонстрировала интерес к литературе и чтению, что заставило организаторов учебно-воспитательного процесса искать средства для

⁹⁰ ГАТО. Ф. 186. Оп. 96. Д. 7. Л. 12. См.: Насонов, Максим, священник. Реформирование духовных учебных заведений России во второй половине XIX – начале XX века (на материале Тамбовской губернии и Тамбовской духовной семинарии). – СПб.: СПбДА, 2015 – 242 с. С.60.

⁹¹ Дубасов В.И. (1843 – 1913) – историк-краевед, архивовед; с 1867 года преподавал в ТДС; с 1872 по 1884 – в Александрийском институте благородных девиц; с 1884 – 1900 – директор Тамбовского Екатерининского учительского мужского института; с 1884 по 1898 – председателем Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. См.: Алленов В.А. Дубасов Иван Иванович//тамбовская энциклопедия. – Тамбов, 2004. – С.171-172.

⁹² Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. - Тамбов, 1993. - С.283 – 284.

⁹³ Островитянов, К.В. Думы о прошлом. – М.: Наука, 1967. – С. 34.

контроля круга чтения. Анализ мемуаров показывает, что наибольший интерес и влияние на мировоззрение оказывали: Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький, М.Е. Садтыков-Щедрин, В.Г. Короленко, В.Г. Белинский, Н.М. Гоголь, Д.И. Писарев, Н.А. Добролюбов, Н.А. Некрасов, М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин, Н.Н. Златовратский, Г.И. Успенский, а также Д. Дефо, Ч. Дарвин, Э. Золя, А. Додэ и др⁹⁴. В целом, с этим согласны мемуаристы, сообщающие как очевидцы о истории Тамбовской семинарии: митрополит В. Федченков, В.Ф. Певницкий, Н.Г.Помяловский, А. Москвин, А. Воронский, А. Нечаев, А. Крюковский, С.Березнеговский, А. Левочский, М.Г. Сперанский и др⁹⁵.

Принципиальным новшеством стало заведение фонда периодической печати. Библиотека выписывала следующие журналы: «Вестник Европы», «Воскресное чтение», «Всемирный путешественник», «Духовная беседа», «Журнал Министерства Народного просвещения», «Православное обозрение», «Руководство для сельских пастырей», «Русский архив», «Русская старина», «Труды Киевской Духовной академии», «Филологические записки», «Чтение в обществе любителей духовного просвещения», «Чтение в обществе Российских древностей», «Христианское чтение» и др. Наиболее проблемным участком библиотеки был ученический фонд, которым под присмотром наставников руководили сами учащиеся, фонд быстро ветшал и сокращался. Учебный комитет изымал из оборота некоторые книги как неблагонадежные, например, сочинения Белинского и Добролюбова. Несколько улучшило дело введение правил пользования

⁹⁴ РГИА. Ф.802, Оп.10, Д.46, Л.85 об.; Д.80, Л.75; Д.100, Л. 2об. – 9; Ю.Г. Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов. – Киев, 1902. – С.27–28.

⁹⁵Березнеговский С. Тамбовская духовная семинария // ИТУАК. Вып. 55. 1913; Крюковский В.Я. Около бурсы. Тамбов. 1914; Воронский А. За живой и мёртвой водой. – М.: Художественная литература, 1970. – 432 с.; Левочский А. Краткий исторический очерк Церковно-школьного дела в Тамбовской губернии. (Библиотека музея народного образования в Тамбовском крае).б.г.; Сборник-календарь ТГ на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 327 – 343; Певницкий В. Ф., протоиерей. Записки протоиерея Певницкого. – РС, 1905, т. 123, № 7 С. 117–169; № 8, С. 314–345; № 9, С. 540–579; Певницкий В. Ф. протоиерей Мои воспоминания. – «Руководство для сел. Пастырей», 1909, т. II. № 13 – 50.; ГАТО. Ф.186; Нечаев А. Очерки из истории Тамбовской церкви. СПб. 1908; ГАТО. Ф. 186. Оп. 115. Д. 4. Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907 г.)

библиотекой, напечатанных в ТЕВ в 1872 году. Книги стали реже портиться и пропадать. Стало хорошим правилом для руководителей епархии и светского чиновного и родовитого общества жертвовать книги в фундаментальные и ученические фонды библиотек. Среди дарителей библиотеки ТДС: св. Феофан Затворник, митрополит Антоний Вадковский и др.⁹⁶

Повышению уровня воспитательной педагогической практики должна была служить воскресная школа, организованная при ТДС в 1876 году. С детьми занимались учащиеся высшего отделения по очереди. Учебный год начинался 15 октября и заканчивался 15 июня. Содержание образования составляло чтение и объяснение Евангелия, сопровождаемые показом картинок из «Священной истории Нового Завета» Шнорра; «Закон Божий», чтение «Родного слова», обучение письму, чтению и счету.⁹⁷

Тамбовское духовенство конца XIX – начала XX в., воспитанное, в том числе, и в условиях пересмотра Уставов и реформирования семинарий, показало готовность пастыря активно защищать паству, что прот. Виктор Лисюнин доказывает участием его в епархиальной и губернской прессе.⁹⁸ Примером могут служить публикации миссионера Базарянинова.⁹⁹ Редактор ТЕВ о. Иоанн Панормов извинялся, что не может опубликовать все материалы по причине их многочисленности.¹⁰⁰ Тамбовские епархиальные ведомости дают отпор своим политическим противникам. Священник В. Тигров полемизировал с либеральной прессой; опровергая карикатурные изображения истории христианства фельетонистом Петровым в газете «Русское слово»; разоблачал смысл обличений Петровым косности

⁹⁶Кученкова В.А. Библиотека ТДС / В.А. Кученкова // ТЕВ. – 2000. – №1. С.3; ГАТО. Ф.186. Оп. 79. Д.14. Лл.23–24.

⁹⁷ ГАТО. Ф.186. Оп. 79. Д.43. Лл.18–19.

⁹⁸Лисюнин В.Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX вв./Дис. канд. ист. наук. – Тамбов: ТГУ, 2006. – 319 с.

⁹⁹ См.: Миссионер Базарянинов. Ежедневный орган по Церковным вопросам. // ТЕВ. 1905. № 54. С.2217–2220.

¹⁰⁰ См.: От редакции ТЕВ // ТЕВ. 1905. №53. С. 2109.

духовенства как желание возвысить иноверие и инославие.¹⁰¹ Полемизировали авторы ТЕВ и между собой. Резкие возражения вызвала статья о. С. Старорусского «Прогрессивное движение в нашем духовенстве», изображавшая все движения к реформированию приходской жизни как чудачество молодого поколения церковников¹⁰². Епархиальная печать после Первой русской революции расценивает организацию системы духовного и светского образования как дело общественно-политическое¹⁰³. Наиболее информативными в Тамбовских епархиальных ведомостях становятся статьи ректоров ТДС, архим. Феодора Поздеевского, архим. Симеона Холмогорова, прот. Иоанна Панормова¹⁰⁴. Важным свидетельством о содержании идейной платформы ТДС, политического самоопределения её руководства, педагогов и учащихся, являются «ТЕВ» изучаемого периода. Во-первых, потому, что журнал являлся обязательным чтением и рекомендуемым для формирования библиотек во всех приходах. Во-вторых, создавался журнал силами просвещенного духовенства, педагогами и выпускниками ТДС, редактировал же журнал ректор семинарии.

Традиции епархиальной периодической печати связаны с деятельностью талантливого педагога ТДС, редактором ТЕВ, протоиереем Георгием Хитровым, организатором богословских бесед, которые во время Великого поста проводились в кафедральном соборе. В архиерейском доме Казанского монастыря, ставшего центром проповедничества в годы епископского правления святителя Феофана, который за Литургией читал проповеди, на всенощном бдении – преподаватели ТДС из числа священников. В Прибавлениях к ведомостям в первых же выпусках стали

¹⁰¹ См.: Священник Василий Тигров. Вопросы жизни (По поводу последних статей священника Г. Петрова) // ТЕВ. 1905. № 37. С. 1553 – 1558.

¹⁰² См.: Открытое письмо о. С. Старорусскому по поводу его статьи: «Прогрессивное движение в нашем духовенстве». // ТЕВ. 1905. №40(н). С.1671–1694.

¹⁰³ См.: Лисюнин В.Ф. Церковная пресса и ее влияние на общество (вторая половина XIX – начало XX вв.). / Макарьевские чтения: м–лы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 года). Горно–Алтайск: РИО ГАГУ. 2004. С. 106–121.

¹⁰⁴ ТЕВ. 1908. №8 (н.ч.). С. 411–416, №9. С. 522–531; ТЕВ. 1912. №№ 2, 3.

публиковаться проповеди и среди них лучшие, составленные тамбовским священством. К публикации отбирались проповеди, имеющие непосредственное приложение к практике, отвечающие на насущные вопросы пастырей и паствы: «Слово Иоанна Златоуста против роскоши в столе»; «Беседа по прочтении Высочайшего Манифеста о даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» (свящ. Иоанн Кобяков); «Поучение о беспорядках в церкви Божией во время венчания браков», «Слово к тем, кто не говееет ежегодно и не причащается» (свящ. Иоанн Сладкопевцев); «Речь о заведении школы грамотности», «Речь о прекращении ночных игрищ» (свящ. ФеофилактСтандровский)¹⁰⁵. О высоте традиции проповедничества в ТДС свидетельствует участие в её создании св. Феофана Затворника, чье исследование по гомилетике «Как составить проповедь?» было опубликовано в ТЕВ в 1862 году, а в 1868 вышло отдельным изданием. На высоте требований святителя к проповеднической деятельности находились преподаватели ТДС, о. Георгий Хитров (статья «О проповедническом долге православного священника») и о. Иоанн Сладкопевце (статья «О церковном проповедничестве в городах»)¹⁰⁶.

Искусство проповеди к началу изучаемого периода находилось на высоком уровне, чему способствовала деятельность ТДС, силами которой осуществлялась пастырская подготовка, о качестве которой свидетельствует опыт выпускников и преподавателей. Прежде всего – это опыт гомилетики прот. Георгия Хитрова¹⁰⁷, который требовал, чтобы проповедь «объясняла свой предмет определенно, последовательно, оживленно», в чем он видел обеспечение «назидательности», требующей глубокого знания предмета

¹⁰⁵ Прибавления к ТЕВ. 1861. №10, №25, №26 №27. 1862. №27, №28.

¹⁰⁶ Там же. .

¹⁰⁷ Соответствие высоте ученого знания эпохи показывают следующие работы о. Георгия Хитрова: «Поучения на дни праздничные, воскресные и разные случаи» (Тамбов: типография полк. Панова, 1860); «Историко–статистическое описание Тамбовской епархии» (Тамбов: типография К.И. Закржевского, 1861); «Учение православной церкви о богослужении (или литургики) с общим введением» (Тамбов: типография Н.А. Закржевской, 1869).

речи. Образованность и глубокую веру в проповедуемое слово Хитров считал условием «церковной народности» как необходимого качества проповеди¹⁰⁸.

Внутренний список выдающихся выпускников ТДС – это результат хорошо поставленной системы пастырской подготовки. Среди священнослужителей и уроженцев Тамбовской епархии много имён, определявших облик богословия того времени. Это преподобный Амвросий Оптинский, митрополит Палладий (Раев), занимавший Петербургскую кафедру с 1892 г. до своей кончины в 1898 г., служивший тамбовским епископом в 1873-1876 гг.; митрополит Петербургский и Ладужский Антоний (Вадковский), стоявший во главе российского епископата до 1912 г., магистр богословия, доктор церковной истории, редактор «Православного собеседника», сын сельского священника Тамбовской епархии, учившийся в духовном училище и в Тамбовской семинарии. В семье сельского тамбовского священника родился его преемник митрополит Владимир (Богоявленский), просветительская деятельность которого связана с Тамбовской семинарией, Покровским собором г. Козлова. Среди выходцев из Тамбовской семинарии были и митрополит Вениамин (Федченков), епископ Анастасий (Грибановский), епископ Михаил (Грибановский), выдающиеся деятели церковной науки протоиерей Георгий Хитров, И. Сладкопевцев, С. Вадковский, А. Нечаев, тамбовские краеведы протоиерей Стефан Березнеговский и И. Дубасов.

Т.о., хотя пастырское богословие не было введено в программу семинарии как отдельный учебный предмет, оно сочеталось с курсами Аскетики, Гомилетики, Литургики, Обличительного богословия и укреплялось активной практикой. Образцы пастырского служения, высокий уровень богословских знаний – вот наследие духовной школы, которое объясняет появление ярких представителей пастырского богословия XX века, вышедших из среды тамбовского духовенства.

¹⁰⁸ ТЕВ. 1862. №7. С.289–290.

2.2. Пастырское служение митрополита Анастасия (Грибановского)

Жизнь и деятельность митрополита Анастасия (Грибановского), а также его ученое наследие, дают возможность увидеть пример перехода пастырского знания на пастырскую деятельность, оценить глубину и мощь духовной традиции, которая, веками формируясь, становится способом осуществления призвания священнослужителя.

Будущий митрополит Анастасий (Грибановский), в миру – Александр Алексеевич (1873 – 1965) родился в семье потомственного тамбовского духовенства, в селе Братки Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в день Преображения Господня – 6 августа 1873 года. В числе первых учеников окончил тамбовское духовное училище и Тамбовскую духовную семинарию в 1893 году, поступив на казенный счет в Московскую духовную академию. За год до широко отмечаемой даты 100-летия со дня рождения Пушкина (1899) Александр Алексеевич Грибановский, окончив Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия в 1898 году, принял монашеский постриг от архиепископа Тамбовского и Шацкого Александра (Богданова) в Тамбовском Казанском-Богородичном монастыре с именем Анастасий в честь преподобного Анастасия Синаита.¹⁰⁹

Неотъемлемой частью пастырского служения епископа Анастасия была благотворительная работа, ради которой он создавал многочисленные общественные организации; лично участвовал в чтениях для рабочих Замосквореченского района, служил духовному просвещению. Ведя активную издательскую деятельность.¹¹⁰

¹⁰⁹. Таушев, Аверкий, архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего митрополита Анастасия/<http://www.ipc.od.ua/17anastasy.html>, 2.2001

¹¹⁰. Цыпин, Владислав, прот. Анастасий//Православная энциклопедия. Том II. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. — С. 237-239. — 752 с.

Много сил развитию пастырского богословия в учебных заведениях он отдал, будучи помощником инспектора в МДА, куда его пригласил ректор, архимандрит Арсений (Стадницкий). В своей педагогической деятельности воспринял уроки митрополита Московского Владимира (Богоявленского). Преподаватель Вифанской духовной семинарии, ректор и преподаватель Московской духовной семинарии – свое попечение об учебных духовных заведениях не оставил и в дальнейшей архипастырской деятельности. Участвуя в Общеземском съезде по народному образованию, проходившему в Москве в 1906 году, поддержал идею митрополита Владимира (Богоявленского) и митрополита Антония (Вадковского) о разделении в семинариях двух функций: подготовка пастырей и обеспечение общего образования. Широкая эрудиция, интерес к жизни, сделали епископа сторонником религиозных философов братьев Е.Н. и С.Н. Трубецких, славянофилов, Д.А. Хомякова и А.Д. Самарина.¹¹¹

Однако, основной вклад в пастырское богословие архипастырю суждено было сделать на поприще проповедника, исповедника спасительного пути Господа Иисуса Христа. Его проповеди собирали многочисленных верующих из самых разных социальных слоев. Безупречный вкус епископа, личная музыкальная одаренность объясняют выбор его в качестве главы подготовки главных событий духовной жизни Москвы и России: прославление святителя Гермогена, юбилей.¹¹²

Дар проповедника был признан за архимандритом Анастасием уже после произнесения им речи в Даниловском монастыре 29 июня 1906 года, после хиротонии во епископа Серпуховского. В этой речи, посвященной «пути истинного Христова пастырства» архимандрит предсказал грядущие кровавые события в России. О нем как выдающемся пастыре свидетельствует

¹¹¹. Цыпин, Владислав, прот. История Русской Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005). - М., 2014.

¹¹². Митрофан (Зноско-Боровский), еп., Хроника одной жизни. Москва, Свято-Владимирское братство, 2006, 548-585.

его епископская деятельность: богослужения в Успенском соборе, храме Христа Спасителя и др. Выполняя поручение митрополита Московского – священномученика Владимира (Богоявленского), приводившегося архимандриту дядей – наблюдал за учебно-воспитательным процессом в духовных учебных заведениях, а также отвечал за преподавание закона Божия в мужских и женских светских учебных заведениях.¹¹³

Особенность его творческого почерка, заметная в активном использовании фактов и событий русской истории и культуры в пастырской деятельности, сложилась под сильным впечатлением культурной среды Москвы. Где в общей сложности он прожил более двадцати лет. Возглавляя миссионерское братство святителя Петра, митрополита Московского, непосредственно участвовал в прославлении святителя Гермогена, праздновании юбилея Бородинского сражения, 300-летия Дома Романовых.¹¹⁴

Образцом пастырского красноречия для епископа был митрополит Московский Филарет (Дроздов) (1782 – 1867), воспоминания о котором еще были очень свежи. Дар слова, аскетизм, нравственная чистота стали общими чертами двух выдающихся представителей русского духовенства.¹¹⁵

В эмиграции оказался, выполняя указание Патриарха Тихона, который послал его в октябре 1918 года в Одессу для возобновления прерванной связи с Бессарабией, включенной в Румынскую Церковь. Синод румынской Церкви предлагал архиепископу Анастасию Грибановскому войти в его состав, от чего архипастырь отказался и некоторое время пребывал в Константинополе на подворье Пантелеймоновского монастыря. С 1920 года управлял русскими приходами в Константинополе (3). Вместе с епископом Вениамином (Федченковым) решал вопрос с Константинопольским Патриархом о статусе

¹¹³. Там же.

¹¹⁴. Цыпин, Владислав, прот. История Русской Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005). - М., 2014.

¹¹⁵. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни, Москва, Московский рабочий; ВПМД, 1994

Русской Церкви за рубежом. Как заместитель митрополита Антония (Храповицкого) участвовал в заседаниях ВВЦУЗ, проходивших в ноябре 1920 года в Константинополе. Согласно грамоте Местоблюстителя вселенского престола от 2 декабря 1920 года вошел в состав «эпитропии» (Временное высшее церковное управление за границей, ВВЦУЗ) по надзору и руководству русских заграничных колоний.¹¹⁶

В декабре 1921 года участвовал в «Общем собрании представителей Русской Зарубежной Церкви», переименованном в Русский Всеагреничный церковный Собор», где архиепископ Анастасий Грибановский возглавил Отдел духовного возрождения России. Иерарх активно содействовал восстановлению монархии в России, призывал к поддержке царствующего дома Романовых, но выступил с письменным заявлением о невозможности обсуждать проблему о восстановлении монархии на церковном Соборе, «ввиду её политического характера». Собор проходил в Сремских Карловцах (Сербия).¹¹⁷

Архиепископу Анастасию пришлось покинуть Константинополь в 1824 году, вследствие наложенного Вселенского Патриаршего запрещения в священнослужении. В 1935 году Сербский патриарх Варнава возвел Анастасия в сан митрополита. В том же году принял участие в совещании РПЦЗ под председательством Патриарха Варнавы, в котором также участвовали: митрополит Евлогий (Георгиевский), Феофил (Пашковский) и др. Совещание выработало Положение об Управлении РПЦЗ, первоиерархом которой митрополит Анастасий стал после смерти митрополита Антония (Храповицкого), заместителем которого он был. Как первоиерарх, он стал председателем Архиерейского Собора и Синода.¹¹⁸

¹¹⁶. Жизнь и деятельность митрополита Анастасия// Православная Русь. – Джорданвилль, 1965, № 10. С.9-10.

¹¹⁷. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995.

¹¹⁸. Русские писатели эмигранты: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921-1972/ Сост. Н.М. Зёрнов – Бостон, 1973

Будучи убежденным монархистом, осуждая репрессивную политику советского правительства и не поддерживая сотрудничество духовенства с атеистической властью, митрополит Антоний в 1938 году сочувственно отнесся к правителю Германии Гитлеру, видя в нем после издания последним закона о защите церковного имущества и поддержки строительства в Берлине православного собора возможную поддержку.¹¹⁹ После начала оккупации СССР воздерживался от прямой поддержки Гитлера, хотя, находясь на территории, контролируемой Германией, в пасхальном послании 1942 года оценивал захват советских территорий как освобождение от «ада преисподнего». Не поддержал избрание Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Старгородского) в 1943 году. До конца дней не примирился с Московской патриархией, упрекая её в сотрудничестве с советской властью, что показывает его духовное завещание.¹²⁰

В 1950 переехал из Мюнхена в Нью-Йорк, где состоялся Архиерейский Собор. Тогда же впервые РПЦЗ совершила обряд мирования и освящения мира, права на что передала Сербская Церковь. В 1964 инициировал созыв Архиерейского Собора для выбора первоиерарха. В 1965 скончался и был похоронен под алтарем соборного храма Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле. В чине отпевания приняли участие митрополит Филарет (Вознесенский) и архиепископ Аверкий (Таушев).¹²¹

Архиепископское служение Анастасия(Грибановского) началось с 1906 года, когда он был хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московского; с 1914 – епископ Холмский и Люблинский; с 1915 – Кишиневский и Хотинский. О пастырском благочестии архиепископа Анастасия говорит факт того, что он, будучи архиепископом Холмским, в

¹¹⁹. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20-е – 40-е годы XX века). – М., 2000, С.56-60, 109 – 113; 137 – 142; 257 – 259

¹²⁰. Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная церковь (нацистская политика в отношении Православной церкви и религиозное возрождение на территории СССР). М., 2002. С.508.

¹²¹. Таушев, Аверкий, архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего митрополита Анастасия/
<http://www.ipc.od.ua/17anastasy.html>, 2.2001

годы первой мировой войны отдал свой дом под лазарет для раненых; под явной угрозой жизни выезжал на фронт, где служил молебны и панихиды, произносил патриотические речи, молился о присоединении к России Галицкой и Карпатской Руси. Был в числе кандидатов на Патриарший Престол, получив 13 голосов и став шестым в списке. Как знаток древних уставов возглавил комиссию по разработке чина интронизации Патриарха. В 1922 году подчинился указу патриарха Тихона о роспуске ВЦУЗ, но образовал временный Архиерейский Синод и Собор РПЦЗ, распространявшего свою юрисдикцию на все зарубежные поместные церкви в составе РПЦЗ. В 1923 осудил «обновленчество». Признал завещание Патриарха Тихона (Белавина) 1925 года подлинным. Не признал Указ Патриарха Сергия Старгородского о запрещении карловацких епископов в 1934 году. В составе Всезарубежного церковного Собора осудил переход митрополита Евлогия (Георгиевского) к Константинопольскому Патриарху и захват православных приходов в Западной Европе. Осудил гонения на Церковь и верующих в СССР, защищал православную церковь в Польше.¹²²

Митрополит Анастасий (Грибановский) являл собой достойного пастыря, главной целью которого было указание пути к Богу. Необходимость богопознания и богообщения как пути к «обожению» подтверждена и пастырскими трудами. Особое место в пастырском наследии митрополита занимают сочинения, посвященные доказательству идеи зависимости высокого образца словесного творчества с высокой духовностью и поиском Бога. Таковы его сочинения о гениальных русских писателях: «Религиозные мотивы в современной литературе и искусстве. 1908; «Нравственный облик Пушкина». Джорджанвилль, 1949; Пушкин и его отношение к религии и Православной Церкви. Мюнхен, 1947.

¹²². Цыпин, Владислав, прот. Церковная диаспора/ История Русской Церкви. Т.9. М., 1997/
<http://www.sedmitza.ru/index.html?>

2.3 Очерк «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви» как сочинение по пастырскому богословию митрополита Анастасия (Грибановского)

Как истинный пастырь, строгий и добрый, проникнутый заботой о ближнем, являет себя митрополит Анастасий (Грибановский) в одном из лучших своих сочинений - «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви», написанным ко дням 100-летия со дня кончины великого поэта.¹²³ Взгляд на личность Пушкина как наделенного даром вещего слова поэта позволяет митрополиту Анастасию (Грибановскому) заглянуть в глубины души русского человека и призвать его на путь спасения. Выполняя эту пастырскую обязанность, он, как нельзя убедительнее, показывает – сколь глубоко укоренилась в сознании русского человека православная вера, а также силу искушения, которая обрушилась на Россию, заимствовавшую западный рационализм, скептицизм. Величие таланта Пушкина и его всенародное почитание сделали пастырские наставления, данные митрополитом Анастасием в очень действенной форме, объединяющей церковную мудрость и силу поэтического слова, точной оценкой состояния общества. Эта точная оценка и позволила пастырю найти единственно точные слова, врачующие болезненный дух времени.

Поминая столетие кончины величайшего поэта России, митрополит Анастасий на его примере показывает путь человека к Богу в условиях искушений, которым подвергает его греховный мир. Искреннее чувство православного верующего видит пастырь во многих произведениях поэта: «памятник», «Стансы», «Молитва», «Борис Годунов», «Капитанская дочка». Библейские тексты нашли отражение в сочинениях: «Пророк», «Юдифь», «Подражание Песни Песней». Высоко ставит пастырь глубину раскаяния и

¹²³. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

самообличения поэта, ссылаясь на его стихотворение «Воспоминание» (1828 г.). По заключению митрополита Анастасия, «сам того не замечая, уже переходит из чисто поэтического его созерцания в область богословского умозрения».¹²⁴

Приводя к неоспоримому выводу, что Пушкин «наш великий национальный поэт, проблуждав по распутиям шатающейся человеческой мысли, снова возвратился к непосредственной народной вере», митрополит Анастасий решает важную пастырскую задачу: укрепляет убеждение в богопромыслительности и верности исторического цивилизационного вывода святого равноапостольного князя Владимира – крестителя Руси.¹²⁵

Анастасий (Грибановский), имея целью привести на путь благочестия современную ему паству, показывает на примере создателя литературного русского языка Пушкина едва ли не все наиболее значимые нравственные установки. Милостивое, человеколюбивое сердце православного Пушкина он читает в его обычае молитвенно помянуть о людях, значимых для его жизни и творчества: Петр I, Байрон, декабристы и пр. Его общение в быту показывало в нем христианина: он заключал письма к жене и детям словами – «Благословляю! Христос в вами!». Он воспевал добродетель православного брака, высоко ставя способность русской женщины (Татьяна и её няня - в «Онегине», Мария Троекурова в «Дубровском», Маша Миронова в «Капитанской дочке») отказаться от страстного чувства во имя святости таинства брака.¹²⁶

Пастырь не может не быть учителем церковного благочестия, воцерковленного образа жизни. Наставление митрополита показывает, какую спасительную роль сыграла в жизни поэта Церковь. Поэт говел, ходил на службы, любил славить Господа в общей радости народа на Пасху. Именно народность, то есть общие народные упования, была православной

¹²⁴. Там же.

¹²⁵. Там же.

¹²⁶. Там же.

природой Пушкина, которая ничем не могла быть побеждена: «Устремление к миру таинственного и непостижимого вместе с постоянной мыслью о смерти, сопровождавшею его неотступно повсюду, не могли не роднить Пушкина с религиозной стихией, где все овеяно тайной и обращено к вечности».¹²⁷

Как подтверждение реальности соборного единения звучит характеристика Пушкина как «всечеловека», которую автор дает, опираясь на Достоевского: «Все, что украшает русскую народную душу – равнодушие к суетным земным благам, тоска по иному лучшему граду, неутолимая жажда правды, широта сердца, стремящегося обнять весь мир и всех назвать своими братьями, светлое восприятие жизни, как прекрасного дара Божия, наслаждение праздником бытия и примиренное спокойное отношение к смерти, необыкновенная чуткость совести, гармоническая цельность всего нравственного существа...».¹²⁸

«Всечеловеческое» начало в Пушкине делает его духовные уроки прямым путем к сердцу и сознанию православного человека. Так, в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный» (1828), которое литературоведы называют «воплем отчаяния», звучит прямой укор, брошенный в небо: «Дар напрасный, дар случайный,/ Жизнь зачем ты мне дана?/ Иль зачем судьбою тайной/ Ты на казнь осуждена?/ Кто меня враждебной властью/ Из ничтожества воззвал,/ Душу мне наполнил страстью,/ Ум сомненьем взволновал?/ Цели нет передо мною:/ Сердце пусто, празден ум,/ И томит меня тоскою/ Однозвучный жизни шум».¹²⁹

Непросто пастырю быть правдивым, любящим и строгим одновременно, но митрополиту Анастасию это удается: он не умалчивает о явных отступлениях поэта от нравственных норм Православия: «зол на весь мир», поэт не повинуется властям, язвя их острыми эпиграммами; оскорбляет

¹²⁷. Там же.

¹²⁸. Там же.

¹²⁹. Там же.

чувства верующих кощунственными стихами;¹³⁰ Пастырь назидательно показывает, что при всем величии поэтического дара Пушкин остается человеком, каковою мерой и следует судить о нем. Дар духовного прозрения может быть растрочен в «заботах и наслаждениях суетного света» и это делает ум «обескрыленным». Строгий взгляд пастыря отмечает, что «трагедия оскудения веры» русского образованного общества, коснувшаяся всех, в том числе и Пушкина, была следствием «яда вольтерианства», извращения идей просвещения.¹³¹ Кощунства Пушкина, по словам митрополита, - «личина показного цинизма», род «некоторого юродства, этой типичной особенности русской народной души». Пастырь вскрывает сокровенные явления бытия человека, так, прямо указывает – в Пушкине в моменты искушений боролось «два человека, находящихся в трагической борьбе между собою». В такие моменты, говорит пастырь, поэта искушал умный дух – Демон, о чем свидетельствует сам поэт: «Печальны были наши встречи./ Его улыбка, чудный взгляд,/ Его язвительные речи/Вливали в душу сладкий яд./ Неистошмой клеветою/ он Провиденье искушал;/ Он звал прекрасное мечтою/ И вдохновенье призывал./ Не верил он любви, свободе,/ На жизнь насмешливо глядел - /И ничего во всей природе/ Благословить он не хотел». Митрополит Анастасий дальновидно уточняет, что Демон может явиться в обличие близкого человека, каким был для Пушкина А.В. Раевский, которого он сравнивает с Мефистофелем при Фаусте.¹³²

Высоко ставит пастырь глубину раскаяния и самообличения поэта, ссылаясь на его стихотворение «Воспоминание» (1828 г.): «...В то время для меня влачатся в тишине / Часы томительного бденья:/ В бездействии ночном живей горят во мне/ Змеи сердечной угрызенья;/ Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,/ Теснится тяжких дум избыток;/ Воспоминание безмолвно предо мной/ Свой длинный развивает свиток;/ **И с**

¹³⁰. Там же. С.14.

¹³¹. Там же.

¹³². Там же. С.22.

отвращением читая жизнь мою,/ Я трепещу и проклиная,/ И горько жалуясь, и горько слёзы лью,/ Но строк печальных не смываю».¹³³

Доступно богословской мысли митрополита и понимание причины того, почему перестало находить утешение в вере просвещенной русское общество: оно искало истины расчетливым умом, но не верующим сердцем. Так, Пушкин постигал религиозное знание, читая то Библию, то Коран, то беседуя с религиозным писателем Струдзой, а то и «беря уроки теоретического афеизма» (атеизма) у англичанина Гетчинсона. Пастырский взгляд на творчество Пушкина дает урок, предупреждающий пагубность «холодного отрицания», так как оно «опустошает душу, суживает умственный горизонт, иссушает родники всякого и особенно поэтического творчества».¹³⁴

Мужественно открывая тяжкие грехи и заблуждения поэта, добрый пастырь оправдывает их духовными уроками самого Пушкина, который в итоге своего духовного поиска отверг «уроки», чуждые Православию, назвал атеизм – «глупостью», достойной «всякого порицания», а самого английского наставника – «прощельгой». Как пишет митрополит, «уроки неверующего наставника не могли оставить в нем глубокого следа... Неудивительно, что «сердце», как казалось поэту, «не находило его, так как одни отвлеченные умствования без живой веры не могли дать ему покоя и удовлетворения».¹³⁵

Показав, что зрелый Пушкин раскаялся в грехах юности и в некоторых своих кощунственных сочинениях, что он увидел духовную опасность, таившуюся во французской литературе XVIII века, что он назвал Руссо «безнравственным... Фарнейским шутком» за безнравственную идеализацию «запрещенных страстей», он подвел к выводу о личной духовной победе поэта, прошедшего через многие искушения века к узким

¹³³. Там же. С.38.

¹³⁴. Там же. С.27.

¹³⁵. Там же. С.31.

вратам вечности. Православный человек смотрит на мир православными глазами, потому Пушкин предпочитает английскую литературу французской, так как она, «несмотря на влияние гуманизма, ... осталась христианской».. Православный поэт выносит православные уроки из воспринимаемой действительности. Так, например, вывод о том, что «прекрасное должно быть величаво», поэт сделал, читая «Божественную поэму» Данте. Афористичный вывод поэта о том, что «человек нашел Бога именно потому, что Он существует. Нельзя найти то, чего нет, даже в пластическом искусстве», был сделан под внушением философии Локка и Юма.¹³⁶

Тщательный отбор цитируемых строк Пушкина, еще более тщательный отбор свидетельств очевидцев и исследователей, бережная и строгая оценка духовного наследия великого поэта, - все это говорит о жесточайшем контроле за мыслью и словом талантливого пастыря-богослова, каковым являлся митрополит Анастасий (Грибановский). Добросовестность и высота пастырского служения митрополита Анастасия открыта усердным предварительным трудом, без которого невозможно дать богословскую оценку творчеству поэта, образующего национальное достояние России. В его работе имеются ссылки на очевидцев жизни Пушкина, на исследования, посвященные ему и его творчеству, отечественные и зарубежные. На феномен Пушкина он смотрит с высоты вечных мудростей Православия.

Откровение вдохновения поэта уподобляется «религиозному созерцанию». Призвание каждого человека творить волю Божию открыто в стихотворении «Пророк», образ которого заимствован из книги Пророка Исаии, что накладывает на человека великую ответственность за данный ему пророческий дар. Поэзия, рожденная религиозным гимном, осмысливается Пушкиным как «божественный глагол».¹³⁷

¹³⁶. Там же. С.32.

¹³⁷. Там же. С.15.

Обращаясь к светской теме – «Поэт и поэзия», митрополит, хотя и показывает прекрасное знание филологии, остается богословом. Вся его аргументация строится не на личном мнении, но на мудрости Святого Писания. Так например, в пастырской оценке земного пути поэта, он активно использует Главу 7 Евангелия от Матфея, стихи: 13-29 (13. Врата узкие и широкие; 15. По плодам узнается дерево; 21. Кто войдет в Царство Небесное).¹³⁸ Отметим здесь, что и святитель Феофан Затворник в своем богословском наследии также обращался к Главе 7 Евангелия от Матфея, что подтверждает его сочинение «Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия».¹³⁹ Сходство предпочтений двух пастырей, возможно, объясняется общностью духовной среды, сформированной усилиями святителя Феофана Затворника, с 1859 по 1863 год бывшего епископом Тамбовским и, как никто после него, входившего в организацию учебно-воспитательного процесса в Тамбовской духовной семинарии.¹⁴⁰

Некоторые строки из Книги пророка святости и мессиианства Исаяи¹⁴¹ поэт почти буквально воспроизвел в стихотворении «Пророк», которое написал по впечатлению посещения Святогорского монастыря (с. Михайловское), где на аналое увидел в раскрытой книге строки, которые его потрясли: «2. Вокруг Него стояли Серафимы: у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал»; «6. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, 7. И коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен, 8. И услышал я голос Господа, говорящего: кого

¹³⁸. Там же. С.16.

¹³⁹. Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия.- М.: Правило веры, 1995. – 369 с. См.: Вторник, Суббота, Среда.

¹⁴⁰. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

¹⁴¹. Там же.

Мне послать? И кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня».¹⁴² У Пушкина читаем: «И шестикрылый Серафим На перепутье мне явился... И уголь, пылающий огнем, Во грудь отверстую водвинул.. Восстань, пророк, и виждь и внемли, Исполнись волею моей, И, обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей»¹⁴³.

Чтение священного Писания, обязательное для православного человека, для Пушкина было еще и отправной точкой творчества. Так например, стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны» было написано под вдохновением от Покаянной молитвы Ефрема Сирина.¹⁴⁴ «Отцы пустынноики и жены непорочны,/ Чтоб сердцем возлетать во области заочны,/ Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,/ Сложили множество божественных молитв;/ Но ни одна из них меня не умиляет,/ Как та, которую священник повторяет.../ Во дни печальные Великого поста;/ Всех чаще мне она приходит на уста./ И падшего крепит неведомою силой:/ Владыко дней моих! Дух праздности унылой,/ Любоначалия, змеи сокрытой сей,/ И празднословия не дай душе моей./ Но дай мне зреть мои, о. Боже, прегрешенья,/ Да брат мой от меня не примет осужденья,/ И дух смирения, любви/ И целомудрия мне в сердце оживи». Вдохновенные стихи посвящены «Молитве Господней», облакающие в «художественные одежды» канонический евангельский текст, вложенный поэтом в уста детей: «Отец людей, Отец Небесный,/ Да имя вечное Твое / Святится нашими устами,/ Да придет Царствие Твое,/ Твоя да будет воля с нами,/ Как в небесах, так на земли,/ Насущный хлеб нам ниспосли/ Твоею щедрою рукою./ И как прощаем мы людей,/ Так нас, ничтожных пред Тобою,/ Прости, Отец, Твоих

¹⁴². Там же.

¹⁴³. Там же.С.15.

¹⁴⁴. Ефрем Сирин// Православная энциклопедия. Т. XIX. – М.: Церковно-научный центр «ПЭ», 2008. – С.74. – 752 с.

детей./ Не ввергни нас во искушение, / И от лукавого прельщения/ Избави нас». (28)¹⁴⁵

Пушкин как и Иов Многострадальный задавался вопросом: как согласовать земные страдания добродетельных людей и благоденствие нечестивых с Промыслом Божиим о мире? Подобно Иову он завершает свой земной путь преклонением перед непостижимостью путей Промысла Божия, все направляющего к благим делам.¹⁴⁶ Сам поэт считал, что этот ветхозаветный пророк и вождь Израиля был ближе других обычному человеку с его земными потребностями. Поэт даже хотел изучать еврейский язык, чтобы читать Книгу Иова в подлиннике.¹⁴⁷

Митрополит усматривает в пушкинском понимании поэтического творчества сходство с деяниями иноков, это сходство – в созерцательности, в духовном слухе. Православие же для поэта было источником нравственного укрепления. Однако, только монаху-аскету доступно «ведение, переходящее в видение молитвы»¹⁴⁸ При том, митрополит признает, что «Диапазон духовного слуха у Пушкина был очень широк: он слышал и «дольней лозы прозябанье, и неба содроганье, и горний ангелов полет».¹⁴⁹

Требуемая духовной зрелости тема монашества, без уразумения которой нет полноты православного мира, введена митрополитом в поучительный контекст сочинения в указании на благоговейное отношение поэта к монашеству. «Пушкин уразумел своим русским чутьем, что здесь запечатлена от века лучшая часть нашей народной души, видевшей в

¹⁴⁵. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

¹⁴⁶. Лопухин А.П. Иов, библейский персонаж//Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т.82. и 4 доп. – СПб., 1890 – 1907

¹⁴⁷. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

¹⁴⁸. Прп. Исаак Сирий. О Божественных тайнах и о духовной жизни/ Перевод с сирийского игумена Илариона (Алфеева). – М.: Изд-во: Зачатьевский монастырь. 1998. С.57.

¹⁴⁹. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издани

монашестве высший идеал духовно-религиозной жизни». Православное сознание поэта звало его «в заоблачную келью, в соседство Бога самого».¹⁵⁰

«Высокий подвиг монашества» был высок и в глазах Пушкина, который ищет и находит примеры его олицетворения,¹⁵¹ что от показал в образе монахини Изабеллы в «Анджело»¹⁵² Монашеский подвиг митрополит сближает с откровениями вдохновения Пушкина, который и видел свой мир как «обитель», «келью»: «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит -/ Летят за днями дни, и каждый час уносит / Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём/ Предполагаем жить, и глядь – как раз – умрём./ На свете счастья нет, но есть покой воля./ Давно завидная мечтается мне доля - / Давно, усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальнюю трудов и чистых нег». (1834).¹⁵³ «Не для житейского волненья,/ Не для корысти, не для битв,/ Мы рождены для вдохновенья,/ Для звуков сладких и молитв».¹⁵⁴

Простота, детская искренность, смирение – вот христианские качества, которые отмечает в творчестве Пушкина митрополит Анастасий. Поэтическое творчество Пушкина митрополит Анастасий называет «молением сердца».¹⁵⁵

В Пушкине, как отмечал Анастасий, отчетливо видна связь с миром потусторонним, который в момент творческого акта открывался поэту.¹⁵⁶ Первым следствием оскудения веры, по словам пастыря-наставника, явился страх перед смертью, к тайне которой не смел прикоснуться лукавой мыслью современник Пушкина. Тайна смерти останавливала Пушкина посреди его

е). Мюнхен, 1937. – 65 с. С.58.¹⁵¹ Там же

¹⁵²

¹⁵³

Там же.

¹⁵⁴

Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶

«африканских страстей» и пророческая душа его горько плакала о безумии века. Подтверждая это, митрополит Анастасий обращался к тексту стихотворения «Безверие», написанному в 1817 году и содержащим в себе слезное моление о горькой участи человека, забывшего веру и тем самым, себя наказавшего: «Овы, которые с язвительным упреком, / Считаю мрачное безверие пороком,/ Бежите в ужасе того, кто с первых лет/ Безумно погасил отрадный сердцу свет;/ Смирите гордости жестокой иступленье./ Имеет право он на ваше снисхожденье./ С душою тронутой внемлите брата стон, /Несчастный не злодей, собою страждет он./ Кто в мире усладит души его мученья?/ Увы! Он первого лишился утешенья!». Митрополит-наставник возвращает заблудших к вере, свидетельствуя, что и Пушкин, заплативший сполна отступническому духу времени, ни на мгновение не переставал быть православным, ибо только верующий понимает, что перед тайной смерти «первое утешение» - это вера.¹⁵⁷

Православное восприятие смерти, перед тайной которой смиряется самое грубое сердце, видит митрополит в стихотворениях «Воспоминание» и «Воспоминание в Царском Селе», в которых есть тема «о тайнах вечности и гроба». Самобичевание в стихотворениях «Воспоминание», и «Воспоминание в Царском Селе» (1829), в которых он жалеет о юных годах, проведенных «в праздности, в неистовых пирах, в безумстве гибельной свободы». Тема притчи о блудном сыне: «Так отрок Библии – безумный расточитель - / До капли истощив раскаянья фиал,/ Увидев, наконец, родимую обитель,/ Главой поник и зарыдал».¹⁵⁸

Пушкин с юности жил, имея память смертную – «Помни последняя твоя и вовеки не согрешишь» (Сир. 7,39). Об этом он говорил близким

Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

¹⁵⁷. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

¹⁵⁸. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

друзьям, об этом говорит и его лира. На примере Пушкина митрополит поучает нас: смерть – мерило всего. Безумие веселья на краю могилы изображено в поэме «Пир во время чумы». Смерть как подвиг невинного страдальца изображена в поэме «Полтава», где Кочубей встречает её, видя перед собою Христа: «Вот на пути моём кровавом/ Мой вождь под знаменем креста,/ Грехов могучий разрушитель, / Духовной скорби врач, служитель / За нас распятого Христа, / Его Святую Кровь и Тело/ Приносит мне, да укреплюсь, / Да приступлю ко смерти смело/ И жизни вечной приобщусь».

(21).¹⁵⁹

Митрополит Анастасий показывает все грани сообщения между миром живых и мертвых в творчестве Пушкина, уча паству соизмерять жизнь смертью. Лишена ужаса смерть невинного младенца, отмеченная «Эпитафией младенцу Волконскому» и «Надгробной надписью князя А.Н. Голицына». «Отрадным ангелом ты с неба к нам явился,/ И радость райскую принес с собою к нам;/ Но, житель горних мест, ты миром не прельстился/ И снова отлетел в отчизну к небесам».¹⁶⁰

Словами поэта митрополит поучает мир, погрязший в неверии: «Несчастья, Страстей и Немощей сыны,/ Мы все на страшный гроб – родясь осуждены,/ Всечасно бранных уз готово разрушенье;/ Наш век – неверный день, всечасное волненье./ Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,/ Завесу вечности колеблет смертный час,/ Ужасно чувствовать слезы последней Муку - / И с миром начинать безвестную разлуку!/ Тогда, беседуя с отвязанной душой,/ О Вера, ты стоишь у двери гробовой,/ Ты ночь могильную ей тихо освещаешь,/ И ободренную с Надеждой отпускаешь.../ Но, други! Пережить ужаснее друзей!/ Лишь Вера в тишине отрадою своей/ Живит унывший дух и сердце ожиданье./ «Настанет! – говорит, - назначено

¹⁵⁹. Там же.

¹⁶⁰. Там же.

свиданье!». Здесь память смертная приводит к пониманию бессмертия. (24).¹⁶¹

Богопромыслительная «всечеловеческая» природа Пушкина открывается событиями его смерти. Подобно святым, накануне кончины он сподобляется чудесного видения, о котором сообщает его последнее стихотворение: «Чудный сон мне Бог послал./ В ризе белой предо мной/ Старец некий предстоял/ С длинной белой бородой/ Он меня благословлял./ Он сказал мне: будь покоен,/ Скоро, скоро удостоен/ Будешь царствия небес./ Скоро странствию земному/ Твоему придет конец».¹⁶² «...так в тихом сиянии веры, пишет митрополит Анастасий, - открылся для него град Божий, это небурное «убежище» для всех пришельцев этого мира – его смятенное тоскующее сердце успокоилось в лоне милосердия Божия, которому он вручил свою душу. Его кончина... и была именно таким успокоением, в которое он вошел подлинно «тесными вратами» и «узким путем» своих предсмертных страданий».¹⁶³ Идея мученичества и мученической смерти представлена стихами: «Видение Короля», сценой смерти Кочубея в поэме «Полтава», где он показывает истинно христианское отношение к таинствам исповеди и святого причастия.

Как велик пред Господом долг пастыря, показывает стихотворение «Вечерня отошла», в котором на поле битвы за душу человеческую сходят смиренный монах и кающийся злодей: «...Стоит за клиросом монах/ И грешник, неподвижны оба./ И грешник бледен, как мертвец,/ Как будто вышедший из гроба./ Несчастный, полно, перестань,/ Ужасна исповедь злодея.../ Молись. Опомнись – время, время./ Я разрешу тебя – грехов/ Сложу мучительное бремя». (47)¹⁶⁴

¹⁶¹. Записки А. О. Смирновой, из записных книжек 1826 — 1845 г. г., СПб. 1894, стр. 161 — 162.

¹⁶². См. проф. В. В. Никольского. „Нравственные идеалы Пушкина" Христианское чтение, 1882 г.стр.50).

¹⁶³. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

¹⁶⁴. Там же.

«.. смерть явилась для него началом бессмертия. Каждый великий народ имеет своего великого поэта, являющегося высшим выражением его творческого духа». Пастырь благодарит Бога, пославшего поэта «...по всеобъемлющей силе своего дарования, по благоухающей красоте своей поэзии, по богатству, гибкости и выразительности языка и тонкому чувству гармонии и меры, проникающему все его творчество» стоящего «наравне с величайшими художниками мира». Способность человеческого таланта служить Славе Божией воспевается митрополитом: «Поэт и творец Божией милостью, он сам явился Божией милостью и благословением для Русской земли, которую увенчал навсегда своим высоким лучезарным талантом».¹⁶⁵

Сложная для человеческого сознания тема вечности и бессмертия узнана им в феномене Пушкина: «Истинный гений бессмертен. Он не знает над собою закона забвения и давности... Прожив на земле только 37 лет, он успел оставить нам такое духовное наследство, что оно обогатило нас на все века и сделало его неумирающим учителем и вдохновителем для всех последующих писателей и поэтов».¹⁶⁶

Чрезвычайно сложный для пастырского толкования вопрос о дуэли Пушкина с Дантесом, митрополит Анастасий решает мужественно: он осуждает легкость, с которой поэт решается на вызов: «... это была попытка найти какой-нибудь исход из своего невыносимого, как ему казалось, положения. Это был пости порыв отчаяния. Лучше смерть, чем таакая жизнь, вот что означал вызов, брошенный им не только Дантесу, но и самой своей судьбе». (55) Тем понятнее и острее мы понимаем подвиг смирения, раскаяния и всепрощения, который Господь награждает прощением. Промысел Божий о человеке открывает его кончина, как говорит митрополит Анастасий. Смертельно раненому и безмерно страдающему поэту Господь посылает два для христианской жизни, в течение которых он достойно

¹⁶⁵. Там же.

¹⁶⁶. Там же.

покидает юдоль земную, всех прощая и любя. Его кончина открывает не только промысел о поэте Господа, но и христианские взаимоотношения поэта и царя, который посылает записку: «Если Бог не велит нам более увидеться, прими мое прощение, а с ним и мой совет окончить жизнь христианином. О жене и детях не беспокойтесь. Я их беру на свое попечение». (59) По свидетельству Екатерины Андреевны Карамзиной, поэт отошел ко Господу, осенив себя крестным знамением, со словами: «Господи, Иисусе Христе».¹⁶⁷

Христианская кончина стала лучшим оправданием и венцом его славной жизни» Бесприютный «Странник» нашел наконец «спасенья тесный путь и узкие врата» Через них вошел он в Царство света, чтобы обрести мир и покой и воочию узреть Первообраз вечной Истины и Красоты, лучи которого он прозирал еще на земле в минуты высоких духовных озарений своего гениального творчества». (63)¹⁶⁸

Он ранее других представителей образованного русского общества пришел к раскаянию в отступничестве и обрел веру и понимание того, что «без религии жизнь не имеет смысла и оправдания и что к постройке религиозного мировоззрения нельзя приступать только с таким слабым орудием, каким является наш еолеблющийся рассудок».¹⁶⁹

Урок сыновнего отношения к Православию видит митрополит в истории полемики Пушкина и митрополита Московского Филарета (Дроздова), когда великий поэт склонил «свою венчанную лаврами голову перед авторитетом Церкви». Митрополит Анастасий на примере двух великих современников – Филарета (Дроздова) и Пушкина – показывает, какими разными путями собираются в единый народ Божий и пастыри, и миряне.¹⁷⁰

¹⁶⁷. Чернавин, Иоанн, прот. Пушкин как православный христианин. – Нью-Йорк, 1936.

¹⁶⁸. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с. С.63.

¹⁶⁹. Там же.

¹⁷⁰. Там же.

История переписки Пушкина и митрополита Филарета, как будто специально возникла для того, чтобы дать пример взаимной необходимости пастыря и пасомого, Пушкин, пытаясь «обнять своим гениальным даром все высшие проявления человеческого духа», подчас забывая о том, что начало всему – Господь, утратил смысл жизни. Кто еще мог помочь ему в этот момент, как ни «мудрый пастырь, глубокий богослов и вдохновенный, непревзойденный по своему красноречию проповедник», которого уже тогда почитала вся Россия, - митрополит Филарет (Дроздов).¹⁷¹

Пушкин, как это часто бывает, зная Первосвятителя Московского, присутствуя на службах, никак не обнаруживал своего отношения к митрополиту Филарету. Однако, не зная друг друга они не могли, имея общих близких друзей: А.И. Шевырев, А.И. Тургенев, дочь М.И. Кутузова – Е.М. Хитрово. Именно Елизавета Михайловна передала митрополиту текст стихотворения своего друга, который жаловался на слепой рок, управлявший его жизнью: «Дар напрасный, дар случайный/ Жизнь, зачем ты мне дана?/ Иль зачем судьбою тайной/ Ты на казнь осуждена?».¹⁷²

Блестящий талант проповедника позволял Московскому первосвятителю откликнуться на эту языческую мысль, широко распространенную тогда в русском обществе, проповедью, возможно содержание которой определяет митрополит Анастасий: «... наша судьба отнюдь не предопределена для нас слепым роком, как думали язычники, она управляема разумною и благою волею Творца и Промыслителя мира, указавшего для неё высокое назначение и приближение к Его совершенству. Мы сами становимся источником своих страданий, отступая от Него, и снова обретаем душевный покой и мир, возвращаясь в Его лоно». (39) Это был бы достойный ответ одного созидателя духовности другому. Но понимая, как громок и внятен голос Пушкина для образованного русского общества,

¹⁷¹. Там же.

¹⁷². Там же.

митрополит Филарет (Дроздов) отвечает поэту своими стихами, опубликованными анонимно: «Не напрасно, не случайно/ Жизнь от Бога нам дана,/ Не без воли Бога тайной/ И на казнь осуждена./ Сам я своенравной властью/ Зло из темных бездн воззвал,/ Сам наполнил душу страстью,/ Ум сомнением взволновал». (39)¹⁷³

Митрополит Анастасий, находя, что этот поступок Первосвятителя Филарет – проявление его пастырского дара, укрепляет на этом примере оценку поэта как глубоко православного человека, ищущего свой путь к Богу. Сколь трепетно отнесся поэт к этому наставлению, видно из его стихотворения «Стансы», которое митрополит Анастасий рассматривает как лучшее произведение поэта, воспроизводя его целиком: «В часы забав иль праздной скуки/ Бывало лире я моей/ Вверял изнеженные звуки/ Безумства, лени и страстей./ Но и тогда струны лукавой/ Невольно звон я прерывал,/ Когда твой голос величавый/ Меня внезапно поражал./ Я лил потоки слез нежданных/ И ранам совести моей/ Твоих речей благоуханных/ Отраден чистый был елей./ И ныне с высоты духовной/ Мне руку простираешь ты/ И силой кроткой и любовной/ Смиряешь буйные мечты,/ Твоим огнем душа согрета/ Отвергла мрак земных сует:/ И внемлет арфе Филарета/ В священном ужасе поэт». ¹⁷⁴ (41)¹⁷⁵

Для митрополита Анастасия творчество Пушкина дало вдохновение для проповеди не только строительства Града Небесного, но и Града Земного. Фраза Пушкина – «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особый национальный характер» - стала для митрополита Анастасия не только убеждением, но и руководством к действию.¹⁷⁶

¹⁷³. Там же.

¹⁷⁴. Последнее четверостишие известно в варианте, который появился в результате правки текста Пушкиным, подчинившимся требованиям цензора: «Твоим огнем душа палима/ Отвергла мрак земных сует:/ И внемлет арфе Серафима/ В священном ужасе поэт».

¹⁷⁵. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

¹⁷⁶. Там же.

Сторонник Православной Державности, убежденный монархист, митрополит Анастасий черпает вдохновение для проповеди миссионерского служения православного духовенства, для которого русская культура должна быть союзницей, чтобы привести к истинной вере «другие народы», которые «в нашей религии... увидели лучшее средство для того, чтобы умягчить их нравы и привить к ним русскую культуру, после чего они стали бы органичной частью Русской державы».¹⁷⁷

Обращенность пастыря к идее государственности митрополит связывает и с чувством патриотизма, который, по его мнению, имеет религиозное обоснование. Такой же взгляд на патриотизм он находит и у Пушкина в его позднем не опубликованном при жизни поэта стихотворении: «Два чувства дивно близки нам,/ В них обретает сердце пищу:/ Любовь к родному пепелищу,/ Любовь к отеческим гробам./ На них основано от века/ По воле Бога Самого/ Самостоянье человека,/ Залог величия его./ Животворящие святыни!/ Земля была б без них мертва,/ Без них наш тесный мир – пустыня,/ Душа – алтарь без Божества». (50).¹⁷⁸

Слово пастыря, строго следующее за незыблемыми догматами Церкви, требует творческой мысли, выстраданной в «самостоянии» его пред жестокими натисками грехов мира. Только в этом случае могут быть рождены мысли, подобные той, что мы находим у митрополита Анастасия: «Итак, национальное бытие каждого народа, основанное на живой органической связи его настоящего с его историческим прошлым, не есть только простой факт истории: - это есть Закон Божий, воплощенный в общественной жизни человечества». Категорически возражая против того, что Пушкину открылась только «светская ипостась нашей культуры», что он «чувствовал только Великую, но не Святую Русь», митрополит приходит к обличению ложного восприятия истории как союзного результата горнего и

¹⁷⁷. Там же.

¹⁷⁸. Там же.

земного: «Он (Пушкин – С.П) любил Единую Русь, как целостный организм, созданный её тысячелетнею историей». (51) Поэта митрополит называет «певцом русской государственности», который рано понял циничную природу демократии, о которой писал: «... отвратительный цинизм, жестокие предрассудки, нестерпимое неравенство и эгоизм, подавляющий все благородное, все возвышающее душу человеческую». Демократия – «это большинство, нагло попирающее общество».¹⁷⁹

Политическая позиция митрополита Анастасия одухотворяется христианским взглядом на монархию как проекцию иерархии Небесного Царства, в чем он опирается на христианского святого, писателя-аскета VII века Исаака Сирина, рассуждающего о иноческой жизни: «Господь оставил Себе одгих для служения ему посреди мира и для попечения об Его чадах, других избрал для служения пред Ним. Можно видеть различие чинов не только при дворах земных царей, где постоянно предстоящие лицу царя и допущенные в его тайны славнее тех, которые употреблены для внешнего служения – это же усматривается и у Небесного Царя... Проводящим жительство в чине ангельском, в попечении о душе, не заповедано благоугождать Богу попечением житейским, т.е. заботиться о рукоделии, принимать от одних и подвать другим. И потому не должно иноку иметь попечение о чем-либо колеблющем ум и низводящем его от предстоянии пред лицом Божиим».¹⁸⁰

Он возвращается к идеям славянофилов, в частности Хомякова, как упущенной возможности защитить государственные интересы.¹⁸¹

В убеждении митрополита Анастасия, пастырь, находясь вне политики, не может быть вне истории, следовательно, он не может не иметь

¹⁷⁹. Пушкин А.С. Джон Теннер./Электронная библиотека RoyalLib.Com, 2010-2016. Контактный e-mail: royallib.ru@gmail.com

¹⁸⁰. Прп. Исаак Сирин. О Божественных тайнах и о духовной жизни/ Перевод с сирийского игумена Илариона (Алфеева). – М.: Изд-во: Зачатьевский монастырь. 1998. С.57.

¹⁸¹. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

ответа на самые острые вопросы, которые сокрушают православное сознание его паствы. Таким вопросом было демократическое представление о равенстве, которое подменялось уравнилельным принципом. В этом случае пастырь вновь солидаризировался с Пушкиным: «В сущности, неравенство есть закон природы. <... > Историю творят «единицы», то есть человеческая личность, а не народные массы».¹⁸²

Богословские наставления митрополита оказываются особенно действенными как следствие солидарности с величайшим авторитетом, каким является Пушкин для народа, воплощением православной духовности которого он является. Известно, что Д.С. Мережковский считал «Христианство Пушкина естественным и бессознательным».¹⁸³

Д.С. Мережковский, почитая в лице Пушкина, поэта-христианина, сожалел о том, что творцу национального языка не пришлось лично встретиться с преподобным Серафимом Саровским, «истинным ангелом воплоти». Русское монашество открылось Пушкину в Святогорском монастыре, который был усыпальницей его рода, находился рядом с Михайловским и произвел на него сильное духовное впечатление. Именно там явилась «всечеловеческая» природа православия поэта, который любил петь вместе со слепцами народные стихи о святителе Николае, Георгии Храбром и пр. В этот период он изучал летописи и Четьи-Минеи, создавая «Бориса Годунова».

Отмечает митрополит и обязанность пастыря как представителя Русской Церкви особо заботиться о спасении человека, одаренного от Бога. Так, в работе отмечается, что о православной жизни поэта заботились и

¹⁸². См. подробнее об этом: Франк С. Пушкин как политический мыслитель. С предисловием и дополнениями П. Б. Струве. Белград, 1937. С.32.

¹⁸³. Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – СПб.: Наука, 2007. С.129./ <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?>

Император, и начальство (Воронцов, Инзов), и ученое духовенство (архимандрит и ректор Кишиневской семинарии Ириной)¹⁸⁴

Митрополит, давая богословский взгляд на роль поэта и поэзии в духовном преображении мира, возвращает нас к наставлениям прп. Серафима Саровского, свидетелем канонизации которого был Анастасий (Грибановский): «Спасись сам – и тысячи спасутся вокруг тебя», «Стяжи дух мирен, и тогда тысячи вокруг тебя спасутся». Этот пастырский совет позволяет видеть в поэте выразителя лучших свойств православного народа. Данная мысль выражена в стихотворении «Странник» (1834 г.), в котором весь русский народ уподобляется страннику-паломнику, которому в конце «скорбного» пути является «таинственный юноша», открывающий «узкие врата вечности». Этот юноша дает совет страннику: «Держись сего ты света;/ Пусть будет он тебе единственная мета,/ Пока спасенья тесных врат ты не достиг... Дабы скорей узреть, оставя те места,/ Спасенья узкий путь и тесные врата...». Анастасий (Грибановский) заключает: «Странник – это русский православный народ, издавна привыкший считать себя «странником» и пришельцем в этом мире. Его душа всегда рвется к свету, сердце ищет аскетического искупительного подвига, узким путем и тесными вратами ведущего христианина в Царство Небесное. Чем более зрел духовно наш великий поэт, тем ближе он подходил к этому исконному народному идеалу».¹⁸⁵

Большое влияние на его духовное становление оказал Святогорский монастырь, который находился недалеко от Михайловского и который Пушкин посещал каждую субботу. Игумен монастыря, старец святой жизни Иона, священник Иларион Михайлович Раевский – оказались для поэта не надсмотрщиками и соглядатаями, а «любящими духовными врачами».¹⁸⁶

¹⁸⁴. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

¹⁸⁵. Там же.

¹⁸⁶. Там же.

Как государственный муж православного государства Пушкин, словами своего героя Петруши Гринева, оставляет свой завет потомкам в повести «Капитанская дочка»: «Молодой человек..., вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения общественных нравов без всяких насильственных потрясений». (53).¹⁸⁷

Общественное призвание пастырского богословия митрополит показывает, давая образец защиты духовного достояния Отечества от попыток «представить нашего великого национального поэта религиозным отрицателем». (7) Указуя, что кощунствование – великий грех, он потечески ослабляет осуждение тем, что «его (Пушкина) душа никогда не имела ожесточенного богоборчества», что кощунство его было данью общего «вольнодумства», бывшего бытовым явлением». Пастырь-душевед отмечал, что вольности поэта были и данью дружбе с некоторыми «нескромными друзьями». Поэт никогда не предполагал распространять свои вольнодумные сочинения, писанные для узкого круга друзей. И когда его стихи оказывались на устах у всех, глубоко раскаивался и всячески старался изъять их из обращения. (8)¹⁸⁸

¹⁸⁷. Там же.

¹⁸⁸. Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви.(2-ое издание). Мюнхен, 1937. – 65 с.

Выводы к главе 2

Митрополит Анастасий (Грибановский) (1873 – 1965) – выдающийся представитель пастырского богословия первой половины XX века, Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей, епископ Серпуховской, викарий Московский, епископ Кишиневский и Холмский, участник Поместного Собора Русской православной Церкви (глава соборной комиссии, выработавший чин интронизации), член священного Синода и высшего Церковного Совета РПЦ, епархиальный архиерей Константинопольского округа, заместитель митрополита Антония (Храповицкого), представитель Русской духовной миссии в Иерусалиме, - связан с Тамбовским краем фактом рождения и обучения в тамбовском духовном училище и Тамбовской духовной семинарии (окончил ТДС в 1893 г.). Период обучения в Тамбовской семинарии совпал с моментом, когда там осуществляли свою деятельность в качестве руководства и членов педагогического коллектива такие видные представители тамбовского ученого духовенства, как: архимандрит Афанасий (Самбикин), протоиерей Павел Соколов, протоиерей Иоанн Панормов и др. В период обучения в Московской духовной академии общался с её ректором – архимандритом Антонием (Храповицким), инспектором академии – архимандритом Сергием (Старгородским), в последствии – Патриарх Московский, с митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским), приходившемся ему дядей.

Защитив кандидатскую диссертацию по богословию в 1897 году, в 1898 принял монашеский постриг в Тамбовском Казанском мужском монастыре от епископа Тамбовского Александра (Богданова) во имя преподобного Анастасия Синаита, «игумена Синайского монастыря (к. VII – н. VIII вв.), прославившегося заботой о «нравственной и духовной жизни верующих».¹⁸⁹

¹⁸⁹. Бибииков М.В., Досева О.В. Анастасий Синаит/ православная энциклопедия. Т.2. С.250-252

Пастырскому долгу митрополит Анастасий послужил и своими деяниями и учеными трудами и великолепными образцами церковного красноречия. Долг пастыря, как видно из анализа служения митрополита Анастасия на месте преподавателя, инспектора, ректора духовных учебных заведений, викарного епископа, епископа и Первоиерарха Церкви, он видел в активной проповеди спасительных истин Православия, в служении Богу и ближнему.

Богословская деятельность и мысль митрополита Анастасия были обращены к современной ему действительности, но не утратили своей актуальности и теперь, так как они опирались на вневременные истины, заповеданные Господом. На Московском Общеземском съезде по народному образованию он убежденно отстаивал необходимость освободить семинарии от задачи обеспечения общего образования, открывающего путь к светской карьере, считая, что задача духовной семинарии – готовить пастырей. При этом он силой своих многочисленных богоданных даров показал, что пастырь обязан быть открытым культуре и науке своего времени. Также Анастасий (Грибановский) был убежденным сторонником общего духовного православного образования для всего населения. Вкладом в осуществление этой мысли были его труды, посвященные творчеству и личности выдающихся представителей русской литературы: Пушкина, Гоголя, Достоевского.

Лучшей политической системой, отвечающей русской ментальности, он считал монархию как богоустановленного союза Церкви, государства и народа. Как и многие другие представители тамбовского духовенства он защищал идею Патриаршества, исключительной роли черного монашества, что закономерно привело его к защите веры от обновленческого «живоцерковного» движения. Пастырь прозорливо свидетельствовал о временности советской власти, считая её «безумием».

Оказавшись у кормила власти Русской Православной Зарубежной Церкви, отдал все силы сохранению и развитию русского пастырского

богословия, укреплял позиции Русской Православной Церкви за рубежом; был убежден в скором возврате изгнанников в освобожденное от атеистической власти Отечество.

Служа сотериологической миссии Церкви, митрополит Анастасий (Грибановский) в своем богословском наследии ищет путь к человеческому сердцу и разуму, показывая, как святая вера спасает на путях соблазнов и искушений. Ярким тому подтверждением является очерк «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви», в котором показывает многочисленные нравственные уроки, важные не только как аргумент в пользу православности Пушкина, но и как богословское понимание таких вопросов, как «библейзм Пушкина», т.е. его отношение к Слову Божию; «смысл жизни»; «страх Божий»; «тайна смерти», «ответственность перед собой и ближними»; «искушения и их преодоление», «человек в земном Отечестве и Небесном» и др.

Заключение

Несмотря на то, что Пастырское богословие представлено и как наука, и как практика, и как учебная дисциплина наследием русского духовенства Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Зарубежом, оно остается актуальной задачей богословской науки. Созданию исчерпывающего курса по Пастырскому богословию мешает недостаточная изученность со стороны церковной истории, пасторологии, историографии и пр. Недостаточно изучены сопоставительные аспекты пасторологических систем XX века в русских пасторологов России и зарубежья. Нет примеров частного и обобщенного описания пасторологического опыта на основе устоявшихся методологических и методических подходов.

Начало XX века ознаменовалось бурным развитием пастырского богословия как науки и как учебной дисциплины. Крупнейшими представителями пастырского богословия этого периода были выпускники Тамбовской духовной семинарии: архимандрит Феодор (Поздеевский), митрополит Вениамин (Федченков), С.М. Зарин, каждый из которых посвятил специальные труды, пособия пастырскому богословию. Такой всплеск активности пастырского богословия в тамбовской региональной традиции являлся закономерным следствием благотворной образовательной и воспитательной духовной среды, сформированной усилиями нескольких поколений церковных иерархов и рядового духовенства. Здесь, прежде всего, назовем крупнейших представителей богословской мысли XIX века, связанных с Тамбовской епархией пребыванием на епископской кафедре: святитель Феофан Затворник Вышенский, митрополит Макарий (Булгаков). Неоспоримое духовное влияние на пастырскую мысль в региональной традиции оказало оптинское старчество, прежде всего, уроженец с. Большая Липовица Тамбовской губернии – святой прп. Амвросий Оптинский. Тесно связан был с тамбовской пастором и святой праведный Иоанн

Кронштадтский, духовными чадами которого были многие тамбовчане, знавшие его учение о пастырстве.

Среди богословов, развивавших пастырскую науку и практику в эмиграции, таких, как митрополит Антоний (Храповицкий), протопресвитер Георгий Шавельский, архимандрит Киприан (Керн), архимандрит Константин (Зайцев) и др., - были и выпускники тамбовской духовной семинарии: митрополит Анастасий (Грибановский), митрополит Вениамин (Федченков).

Крупный вклад в развитие пастырского богословия внесли епископ Вениамин (Милов) и схиархимандрит Иоанн (Маслов), которым принадлежат лекции, излагающие системные сведения по интересующему нас предмету. В неблагоприятных условиях гонений и притеснений со стороны официальных властей Пастырское богословие в советской России развивалось подвижническими трудами ученого монашества Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Крупнейшими представителями этого рода богословского знания как теории и учебной дисциплины были: епископ Вениамин (Милов) схиархимандрит Иоанн (Маслов), архимандрит Тихон (Агриков).

Их пасторологические системы являют собой воспроизведение отечественного ученого богословского наследия в области Пастырского богословия в лице митрополитов Антония (Храповицкого), Вениамина (Федченкова), епископа Феодора (Поздеевского). Хотя пасторологические системы Троице-Сергиевского лаврского монашества не были самостоятельными и не образовывали исчерпывающей законченной системы, они несут в себе мощный духовный опыт пастырского наставничества, что делает определения пастырского призвания этими богословами очень точными и поучительными. В пасторологических системах митрополита Вениамина (Федченкова) и епископа Феодора (Поздеевского) заметно влияние трудов митрополита Антония (Храповицкого) как пасторолога. Сама

же система митрополита Антония характеризуется некоторой расплывчатостью формулировок.

Т.о., сказанное заставляет согласиться с архимандритом Тихоном (Агриковым), что после систем В.Ф. Певницкого и прот. С.А. Соллертинского отечественное Пастырское богословие еще ждет фундаментального ученого-богослова, способного строго и последовательно изложить пасторологическую систему.

Пастырское богословие русской диаспоры также развивалось в неблагоприятных условиях – в отрыве от родины, от источников, находящихся в наших архивах и библиотеках, людей, хранящих живую память о выдающихся русских пастырях.

Не смотря на то, что архимандрит Киприан (Керн) подвергал критике некоторые стороны пасторологических трудов митрополита Антония (Храповицкого), в частности терминологическую неточность, сам он не создал целостной законченной системы, повторив основные идеи того же митрополита Антония. Отец Киприан расходится с митрополитом Антонием в оценке пастырского призвания: первый требует, чтобы желающий стать пастырем тщательно исследовал всю жизнь на предмет оценки своего призвания священническому поприщу, тогда как митрополит Антоний требует слышания призыва свыше. Митрополит Антоний призывает к возгреванию в себе жертвенной сострадательной любви, при этом он переносит искупительный подвиг с момента Крестных страданий на момент моления в Гефсиманском саду.

Отличительной чертой пасторологии архимандрита Константина (Зайцева), создавшего свой курс лекций в Джорданвилле является обоснование феномена «русскости» с позиций пастырского богословия. В детально рисуемом образе «русского батюшки» у о. Константина (Зайцева) нет необходимых для Пастырского богословия обобщения, детали заслоняют идею служения Слова, евхаристического служения.

Другой отличительной чертой пасторологии архимандрита Константина (Зайцева), не имевшего систематического духовного образования, является привнесение в богословское рассуждение острых политических тем, вдохновленных монархической идеей, сторонником которой был о. Константин. В этой своей особенности он повторял некоторые тезисы митрополита Антония (Храповицкого) и митрополита Анастасия (Грибановского), которые тоже были монархистами, но в свои богословские сочинения острой политической полемики не допускали.

Ярким своеобразием отличается пасторология протопресвитера Георгия Шавельского, который, опираясь на свой уникальный опыт военного священника, говорит о поприще пастыря в экстраординарных условиях. Он не был учеником митрополита Антония (Храповицкого), что объясняет отсутствие ссылок на его труды. Система протопресвитера Георгия – это более практическое руководство, чем чистая теория.

Пасторология ученого монашества Троице-Сергиевой лавры, Московской духовной академии, отличаются от пасторологов Русской Православной Церкви за рубежом большим вниманием к аскетике, к требованиям пастырского делания. В этом аспекте московские пасторологи близки митрополиту Вениамину (Федченкову), труды которого активно компилируют.

Т.о., самое сильное влияние на пасторологов XX века, как в России. Так и за рубежом, оказала пасторологическая система митрополита Антония (Храповицкого). Учение митрополита о сострадательной любви пастыря нашла активный отклик у пасторологов русской диаспоры. Наиболее самостоятельной *зарубежной пасторологической системой* русской диаспоры является пасторология архимандрита Киприана (Керна), который более детально разработал концепцию пастырского призвания. Политические взгляды митрополита Антония (Храповицкого) сказались в пасторологических построениях архимандрита Константина (Зайцева). Яркой страницей истории русского Пастырского богословия является наследие

протопресвитера Георгия Шавельского, в котором отражается духовный подвиг пастыря, жертвующего ради ближнего в условиях непримиримой вражды.

Тамбовская духовная семинария, духовная среда в Тамбове и Тамбовской епархии способствовали воспитанию достойных пастырей, среди которых есть ярчайшие представители Пастырского богословия XX века: митрополит Вениамин (Федченков), митрополит Анастасий (Грибановский), епископ Феодор (Поздеевский), профессор В.М. Зарин.

Выпускник ТДС митрополит Анастасий (Грибановский) внес вклад в развитие пастырского богословия как науки, как пастырской практики, как учебной дисциплины, что доказывает его успешная деятельность в качестве лектора, инспектора учебных заведений, признанный талант проповедника и широко образованного пастыря. Его сочинение «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви» открывает глубины отношений пастыря и пасомого.

На основе проведенного исследования мы можем заключить, что, не смотря на самые неблагоприятные условия, русское пастырское богословие продолжало развиваться в XX веке.

Пасторологические системы XX века открывают несокрушимую силу богооткровенного знания, давшего силы русским богословам в самых неблагоприятных условиях сохранить преемство православной веры, святых догматов Церкви, открывающих узкий путь ко спасению.

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. Аверкий (Таушев), архиеп. Современность и духовная жизнь. Неизданные беседы по нравственному богословию и аскетике. – Св.-Троицк. Мон., Джорданвиль, США, 2006.
2. Антоний (Храповицкий), митрополит. «Пастырское Богословие». – Псково–Печерский монастырь. 1994.
3. Антоний (Храповицкий), митрп. Избранные труды, письма, материалы. – М. ПСТГУ. 2007.
4. Вениамин (Милов), епископ. Пастырское богословие с аскетикой. [Электронный ресурс] / режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Milov/pastyrskoe
5. Вениамин (Федченков), митр. «Лекции по пастырскому богословию с аскетикой». – М.: ПСТГУ, 2006
6. Зарин С.М . Лекции по Пастырскому богословию. – СПб.,1910
7. Иларион (Алфеев), иеромонах. Православное богословие на рубеже столетий. – М., 1999
8. Иоанн (Маслов), архим. Лекции по Пастырскому богословию. [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://azbyka.ru/library/lektsii-po-pastyrskomu-bogosloviju>.
9. Киприан (Керн), архим. «Православное пастырское служение» [Электронный ресурс] / режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Kern/pravoslavnoe-pastyrskoe-sluzhenie/
- 10.Киприан (Керн), архимандрит. «Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). – М. ПСТГУ. 2002.
- 11.Константин (Зайцев), архим. «Пастырское богословие» [Электронный ресурс] / режим доступа:

[http://azbyka.ru/knigi/arhimandrit_konstantin_pastyrskoe_bogoslovi
e_02-all.shtml](http://azbyka.ru/knigi/arhimandrit_konstantin_pastyrskoe_bogoslovi
e_02-all.shtml)

12. Тихон (Агриков), архим. Лекции по Пастырскому богословию. [Электронный ресурс] / режим доступа: http://azbyka.ru/library/tihon_pastyrskoe
13. Тихон (Агриков), архим. Лекции по Пастырскому богословию в МДА. [Электронный ресурс] / режим доступа: [http://azbyka.ru/library/tihon_pastyrskoe_bogoslovi
e-all.shtml#t80](http://azbyka.ru/library/tihon_pastyrskoe_bogoslovi
e-all.shtml#t80)
14. Феодор (Поздеевский), архиеп. «Жизнеописание. Избранные труды». – Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 2000.
15. Флоровский Г., прот. «Пути русского богословия». – Париж. 1937
16. Шавельский Г., протопресв. Православное пастырство. Основы, задача и дух православного пастырского служения. – София, 1930
17. Шавельский Г., протопресвитер. Православное пастырство. – СПб., 1996.

Литература:

1. Анастасий (Грибановский) митроп. Беседы с собственным сердцем. – Белград, 1935, Переизд. – СПб.: Библиополис, 2002. – 219 с.
2. Анастасий (Грибановский) митроп. Диссертация кандидата богословия «О промысле Божиим». МДА, 1897
3. Анастасий (Грибановский) митроп. Нравственный облик Пушкина. Джорданвилль, 1949. – 24 с.
4. Анастасий (Грибановский) митроп. Пушкин и его отношение к религии и Православной Церкви. – Мюнхен, 1947
5. Анастасий (Грибановский) митроп. Религиозные мотивы в современной литературе и искусстве. – М., 1908
6. Архипастырские послания. Слова и речи Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия Первоиерарха РЗЦ. Юбилейный сборник ко дню 50-летия архипастырского служения. 1906 – 1956. – Джорданвилль, 1956. – 262 с.
7. Гнедич П., протоиерей. Догмат искупления в русской богословской науке. – М., 2007.
8. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. – Москва, Московский рабочий; ВПМД, 1994
9. Жизнь и деятельность митрополита Анастасия // Православная Русь. – Джорданвилль, 1965, № 10. С.9-10.
10. Избрание и поставление Святейшего Патриарха Тихона. Характер его личности и деятельности // Православная Русь, – 1975, №6, 4-11 с.
11. Иоанн (Шаховской), епископ. Отец Георгий. // Письма о вечном и временном. – Нью-Йорк, 1960

12. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20-е – 40-е годы XX века). – М., 2000
13. Кострюков А.А. Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий синод. Церковь и время // №1(34) – 2006.
14. Митрофан (Зноско-Боровский), еп., Хроника одной жизни. – Москва, Свято-Владимирское братство, 2006,
15. Назаров Н., иерей. История преподавания Пастырского богословия в дореволюционных Духовных школах. [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://ilynka.prihod.ru/bibliocat/view/id/1138602>. (07.04.2013).
16. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995.
17. Проект Устава православных духовных академий 1917–1918 гг. § 123 (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 77–78).
18. Русские писатели эмигранты: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921-1972/ Сост. Н.М. Зёрнов – Бостон, 1973
19. Сборник избранных сочинений Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия Первосвятителя Русской Зарубежной Церкви. С портретом и жизнеописанием автора. – Джорданвилль, 1948.
20. Сборник избранных сочинений Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия Первосвятителя РЗЦ. Джорданвилль, 1948. – 398 с.
21. Священной памяти Великой Княгини Елизаветы Федоровны. – Иерусалим, 1925, 24 с.
22. Слова на св. Владимирском торжестве в Белграде, 15 июля 1936. Юбилейный сборник в память 150-летия РПЦ в Северной

- Америке, ч.2. – Нью-Йорк, 1945. –/
<http://www.pravoslavie.ru/news/32097.htm> .
- 23.Сокольский В.. свящ.. Евангельский идеал христианского пастыря. – Казань, 1904.
- 24.Сухова Н. Ю. Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII - начало XX в.) // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. - 2009. Вып. 1 (25). С. 25–43.
- 25.Сухова Н. Ю. Русские богословские школы за рубежом: сохранение традиции и поиск нового (1920–1940-е гг.) // Материалы XVIII Ежегодной Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: В 2 т. Т. I. М., 2008. С. 263–272.
- 26.Таушев, Аверкий, архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего митрополита Анастасия [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://www.ipc.od.ua/17anastasy.html>, 2.2001
- 27.Хондзинский П., иерей. Догмат любви // Митрополит Антоний (Храповицкий). Избранные труды, письма, материалы. – М., 2007.
- 28.Цыпин, Владислав, прот. Анастасий (Грибановский), митрополит/ Открытая православная энциклопедия «Древо», 2012 [Электронный ресурс] / режим доступа : <http://drevo.pravbeseda.ru>
- 29.Цыпин, Владислав, прот. Анастасий // Православная энциклопедия. Том II. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. — С. 237-239.
- 30.Цыпин, Владислав, прот. История Русской Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005). – М., 2014.
- 31.Цыпин, Владислав, прот. Церковная диаспора / История Русской Церкви. Т.9. М., 1997/ <http://www.sedmitza.ru/index.html?>

32.Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная церковь (нацистская политика в отношении Православной церкви и религиозное возрождение на территории СССР). М., 2002.